ЛИА ГРЕЙ

18+

Без права на выбор

Связь была им навязана.
Но оставить эту связь
они выбрали сами.

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Лиа Грей
Без права на выбор

https://litres.ru/74746932
SelfPub; 2026

Аннотация

Диего:

Быть средним ребенком в семье Браун всегда мне нравилось. У меня была большая семья, которую я любил. Деньги и статус, которые мне нравились. И самая невероятная девушка, в которую я был влюблен.

И я не собирался ничего менять в жизни. Продолжал бы существовать как свободный, богатый парень и лакомый кусочек для всех женщин. Я даже не хотел менять факт того, что моя любимая обо мне не знает. Но в один день у меня из под ног просто выбили землю.

Мне пришлось женится на лучшей подруге моей сестры. И это была катастрофа

Аристия:

Проснутся утром и узнать из желтой прессы, что ты выходишь замуж за брата лучшей подруги точно не входило в мои планы.

Диего Браун, конечно, был чертовски горячим и любая на моем месте убила бы за такую возможность.

Но не я.

Я уже обожглась один раз, больше не хочу.

Однако не это главная проблема.

Сердце Диего уже давно занято, а я не та, кто делится своим. Особенно мужем. Даже если он всего лишь навязанный мне муж.

Нам придется многое обсудить.

Содержание

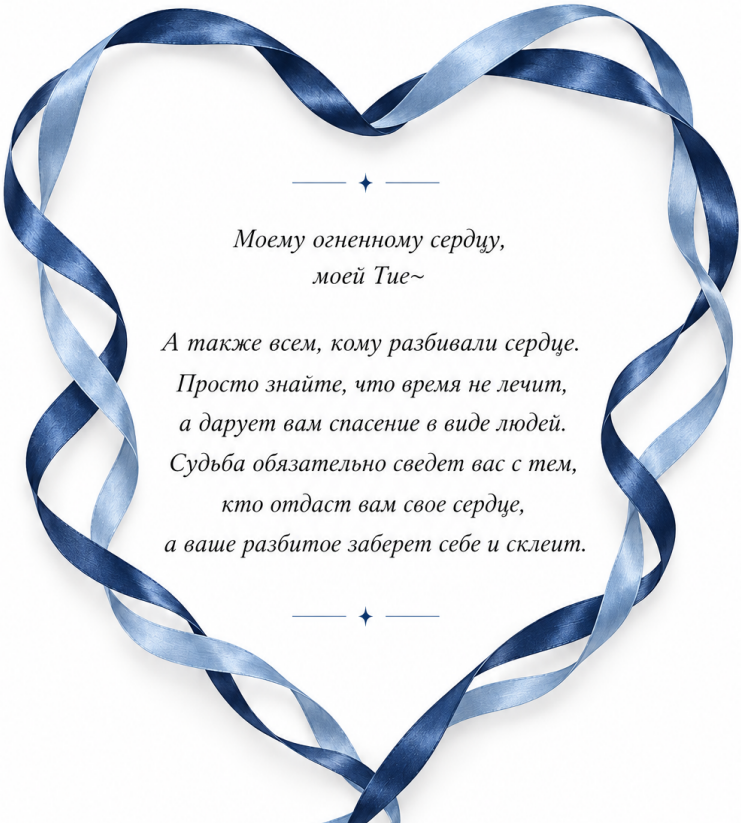
Лиа Грей	6
Посвящение	8
От автора	10
Тропы	12
Древо семей	14
Плейлист	16
Пролог	18
Глава 1	21
Глава 2	48
Глава 3	80
Глава 4	99
Глава 5	122
Глава 6	139
Глава 7	159
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Лиа Грей
Без права на выбор

Лиа Грей

Посвящение

Моему огненному сердцу,
моей Тие~

А также всем, кому разбивали сердце.
Просто знайте, что время не лечит,
а дарует вам спасение в виде людей.
Судьба обязательно сведет вас с тем,
кто отдаст вам свое сердце,
а ваше разбитое заберет себе и склеит.

От автора

Дорогой читатель!

Спасибо, что Вы решились прочитать эту книгу и выбрали историю Диего и Аристии для времяпрепровождения!

Перед тем, как Вы перевернете страницу, хочу предупредить, что данная книга – это вторая часть большого цикла, про таких же сломленных, но жаждущих любви персонажей. Однако, эту историю, как и все последующие, можно считать одиночной книгой и читать как завершенную историю.

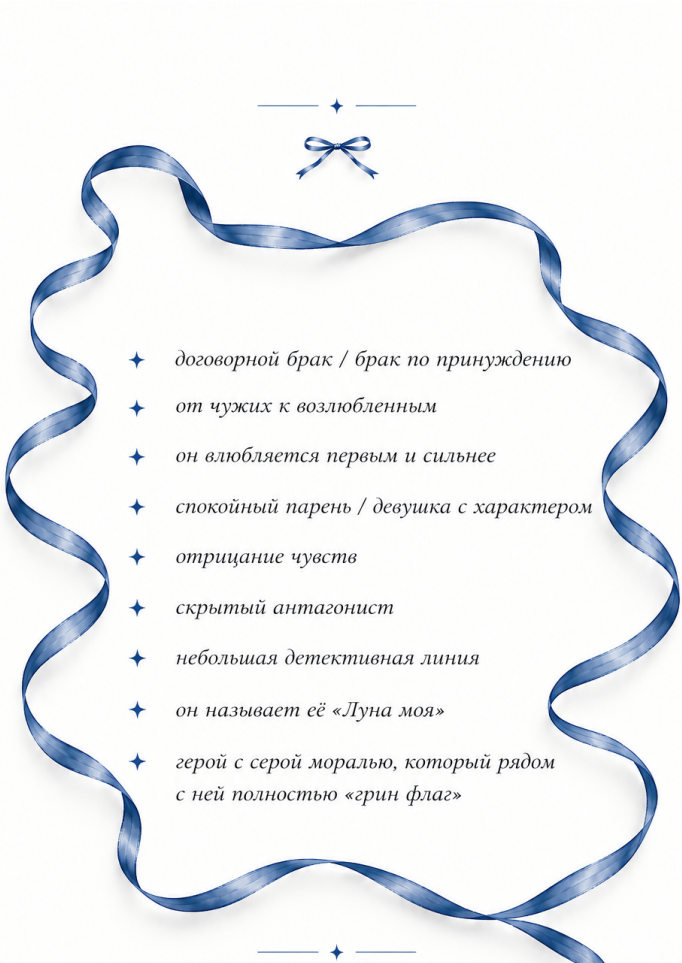
Также, рекомендую ознакомиться с понятием «spicyromance» и быть готовым ко всем сценам в этой книге.

Внутри присутствуют сцены насилия, нецензурная брань и откровенные постельные сцены. Также поднимаются темы некоторых психологических травм. Если у вас триггер на все это, прошу быть осторожным!

Начиная читать данную книгу, Вы автоматически подтверждаете, что Вам есть 18!

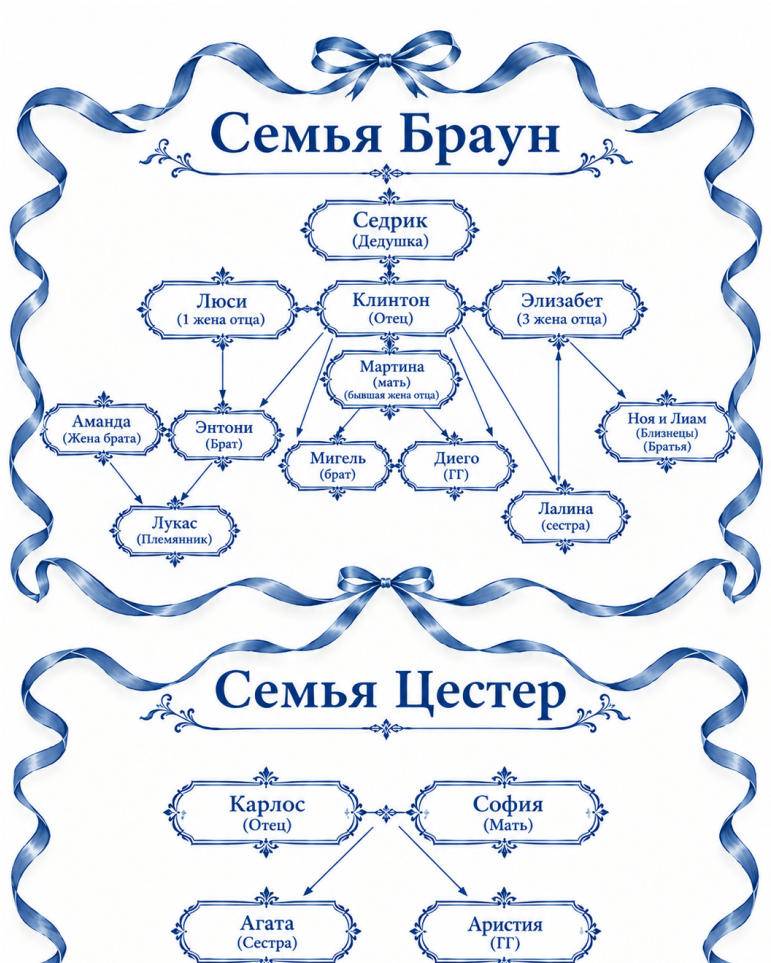
Надеюсь, моя книга и мои персонажи станут для вас такими же родными, как и для меня!

Тропы

- *договорной брак / брак по принуждению*
- *от чужих к возлюбленным*
- *он влюбляется первым и сильнее*
- *спокойный парень / девушка с характером*
- *отрицание чувств*
- *скрытый антагонист*
- *небольшая детективная линия*
- *он называет её «Луна моя»*
- *герой с серой моралью, который рядом с ней полностью «грин флаг»*

Древо семей

Семья Браун
Седрик
(Дедушка)
Люси
(1 жена отца)
Клинтон
(Отец)
Элизабет
(3 жена отца)
Мартина
(мать)
(бывшая жена отца)
Аманда
(Жена брата)
Энтони
(Брат)
Мигель
(брат)
Диего
(ГГ)
Ноя и Лиам
(Близнецы)
(Братья)
Лукас
(Племянник)
Лалина
(сестра)
Семья Цестер
Карлос
(Отец)
София
(Мать)
Агата
(Сестра)
Аристия
(ГГ)

Плейлист

Lana Del Rey — Young and Beautiful
The Neighbourhood — Sweater Weather
Arctic Monkeys — 505
Cigarettes After Sex — Apocalypse
Lord Huron — The Night We Met
Hozier — Work Song
Billie Eilish — BIRDS OF A FEATHER
SYML — Where's My Love
The Neighbourhood — Softcore
A Thousand Years — Christina Perri

Пролог

Я нёсся по коридорам особняка, и собственный голос казался мне чужим.

— Тия! Аристия, где ты?!

Я врывался в комнаты, распахивал двери, заглядывал во все углы. Её нигде не было. Тишина сгущалась, липла к стенам, и с каждым шагом паника всё сильнее сжимала горло. Я не знал, сколько прошло времени. Знал только, что если не найду её сейчас, то не найду уже никогда.

В холле не было никого. Ни единой души.

Я выбежал в сад.

Ночь встретила меня прохладой, запахом мокрого от снега гравия и звёздами, до которых мне не было дела. Я бежал по дорожкам, всматриваясь в темноту между деревьями, и

шептал её имя, как молитву. Боги, в которых я никогда не верил, молчали. Но я всё равно просил. Просил, чтобы успеть.

И наконец, у старого фонтана я увидел их.

Аристия стояла, прижатая к чужой груди. Мужчина держал её так, будто она была щитом. Одна рука закрывала ей рот, а другая прижимала пистолет к виску. Её глаза, огромные, полные ужаса, нашли меня в темноте. Она не кричала. Не плакала. Лишь смотрела, и в этом взгляде было всё: страх, надежда и просьба.

Я замер.

Мужчина обернулся на звук моих шагов и мой мир рухнул.

Это был *он*. Человек, которого я подозревал бы самым последним. Он смотрел на меня холодными, чужими глазами, и в его руке был пистолет, приставленный к голове моей жены.

— Диего, — спокойно произнёс он, словно мы встретились за утренним кофе. — Как не вовремя. Я надеялся закончить это без лишнего шума.

— Отпусти её, — выдохнул я, стараясь не смотреть на оружие. — Прошу.

— Не могу, — покачал он головой, сильнее прижимая Аристию к себе. — Она оказалась слишком умной. Слишком проницательной. Она начала рушить то, к чему я шёл столько лет. Я вложил в эти планы всю свою жизнь!

— Какие планы? — спросил я, делая осторожный шаг вперёд.

Пистолет сильнее вжался в висок Аристии после моего движения. Она зажмурилась, но не издала ни звука.

Моя храбрая девочка.

— Не подходи, — предупредил он, не сводя с меня глаз. — Я не хочу тебя убивать. Но если придётся, то я сделаю это.

— Тогда объясни, — потребовал я, заставляя себя говорить ровно. — Что ты задумал?

Он усмехнулся. Горько. Устало. Так улыбаются люди, которым больше нечего терять.

— Слишком много вопросов, Диего. А время на исходе.

Он сильнее сжал руку на лице Аристии. Она тихо застонала от боли, и этот звук разорвал меня изнутри.

— Поэтому сейчас, — продолжил он ледяным голосом, — вы оба умрёте.

Я смотрел в глаза жены. В них была только вера в то, что я успею. Что я что-то сделаю и спасу её.

Я рванулся вперёд.

Но было слишком поздно.

И ночь разорвал звук выстрела, который должен был лишить меня самого близкого человека в моей жизни.

Глава 1

Ветер вырывал волосы из-под шлема и хлестал по щекам, но я не чувствовала ничего кроме глухой, пульсирующей ярости. Она разлилась под кожей, будто раскаленный металл. Мой мотоцикл ревел так, что каждый удар двигателя отдавался где-то в костях. Вибрация пронзала бедра, поднималась по позвоночнику, скручивала его, но даже это привычное, сладкое чувство не приносило облегчения. Обычно, когда я прижималась к байку и чувствовала, как мощь машины подчиняется каждому моему движению, весь мир исчезал. Оставалась только я, дорога и чистое, первобытное ощущение свободы.

Но не в этот раз.

Сейчас свобода была просто издевательством.

Стрелка спидометра дрожала на ста шестидесяти, когда я влетела в очередной поворот. Байк наклонился так низко, что коленная скользящая пластина едва не чиркнула по асфальту. Покрышки отчаянно искали сцепления с мокрой после утреннего дождя дорогой, но мне было наплевать.

— Смотри, куда летишь, ненормальная! — крикнул кто-то в ответ, однако мне было не до случайного прохожего.

Пусть бы земля разверзлась. Пусть бы гравий выскользнул из-под колес и, может, это хоть как-то остановило бы бешеный круговорот мыслей у меня в голове. Но асфальт держал, а байк подо мной продолжал свою песню.

Я хотела кричать. Хотела разорвать тишину в шлеме диким воплем. Но вместо этого просто сильнее выкрутила газ.

Я и сама не знала, за чем именно гналась. Но моя внутренняя вселенная превратилась в раскаленный добела шар.

Как они посмели?

Эта мысль жгла меня сильнее, чем выхлопная труба. Сильнее, чем ветер, который пытался вырвать меня из седла. Я влетела в очередной поворот, и на мгновение городские огни расплылись в сплошные полосы. Но я их не видела. Перед глазами стоял только тот заголовок. Жирные черные буквы, которые прожигали дыру в моем сознании с той самой секунды, как я развернула газету, выходя из университета.

Диего Браун и Аристия Цестер объявили о помолвке

Меня скрутило спазмом в желудке, и на секунду я подумала, что меня вырвет прямо в шлем.

Помолвка.

Моя помолвка.

С мужчиной, которого я видела всего пару раз в жизни. Мы едва обменивались ничего не значащими фразами, и ни одна из них не касалась ни брака, ни чувств. Он смотрел на меня так, будто я была частью интерьера. Статуей, которую нужно вежливо обойти. И сейчас, по какой-то чудовищной иронии, эту статую решили переместить прямиком в его спальню.

Где-то глубоко в груди что-то заныло, но я быстро подавила это чувство. Я не буду плакать. Не буду трястись от страха или унижения. Я буду злиться. Злость была моим топливом, и сейчас бак был переполнен до краев.

Обычно дорога до особняка Цестеров занимала у меня минут двадцать неторопливой езды. Сегодня же она превратилась в шесть минут чистого адреналина. Когда впереди показались кованые ворота, я даже не сбросила скорость до конца. Рывком нажала на пульт, створки поползли в стороны, и я пронеслась сквозь них так быстро, что охрана шарах-

нулась в разные стороны. Гравийная аллея, ведущая к главному входу, взвизгнула под колесами. Объезжать к гаражу я не стала, плевать мне на приличия.

Я затормозила прямо у ступеней крыльца, подняв тучу мелких камней и пыли. Еще до того, как двигатель успел замереть, я уже была в воздухе, спрыгнула с байка на ходу и приземлилась на носки кроссовок. Шлем сорвала с головы и бросила прямо на газон, даже не обернувшись.

Внутри меня всё горело.

Тяжелая дубовая дверь парадного входа распахнулась передо мной, кто-то из прислуги, услышав рев мотора, уже открывал ее. Я пронеслась мимо, даже не взглянув на него. Сердце колотилось где-то в горле, пульсировало в висках, и каждый шаг по мраморному полу холла отдавался эхом.

Отцовский кабинет находился в конце восточного крыла, и это расстояние я преодолела в мгновение ока. Несколько секунд бешеного движения и вот я уже стою перед дверью. Я даже не подумала поворачивать ручку. Со всей силы ударила ногой по дереву, дверь распахнулась настежь и с грохотом ударилась о стену.

Отец сидел за своим огромным столом из черного дерева. Его фигура в безупречно выглаженной рубашке казалась такой же холодной и неподвижной, как каменное изваяние. Он что-то читал на планшете, и в этом его спокойствии я увидела самую настоящую насмешку.

— Ничего не хочешь объяснить, *папочка*? — мой голос

прозвучал тише, чем я ожидала. В нем звучала та самая сталь, которую я унаследовала от него. Я размахнулась и швырнула смятую газету на стол. Она скользнула по полированной поверхности, и заголовок уставился ему прямо в лицо.

«Диего Браун и Аристия Честер объявили о помолвке!»

Я видела, как его взгляд скользнул по бумаге. Ни один мускул на лице не дрогнул. Он даже бровью не повел. Только медленно поднял на меня такого же льдисто-голубого оттенка глаща, как и мои. Ни капли сожаления. Ни капли тепла. Только бездна равнодушия, которая всегда приводила меня в бешенство.

— Ты правда хотел выдать меня замуж без моего согласия?! — я шагнула вперед и вцепилась пальцами в край стола. — Как ты мог так поступить и даже не сообщить, что я обещана семье Браун, как какой-то кусок мяса? А меня спросить ты не хотел?

Голос срывался, в груди клокотала лава. Я смотрела на его бесстрастное лицо и ненавидела. Ненавидела за то, что он заставляет меня выглядеть истеричкой. За то, что мое тело дрожит, а его руки спокойно лежат на подлокотниках кресла.

— И что насчет Агаты? — я почти выплюнула имя сестры. — Разве не она должна была выйти замуж в эту семью?

При упоминании старшей сестры в его взгляде мелькнуло что-то мимолетное, что исчезло быстрее, чем я успела его понять. Он медленно перевел взгляд в сторону.

Я проследила за ним и только тогда мой гнев натолкнулся на нечто, от чего на секунду замер.

Агата сидела в углу.

Она сжалась в маленький комочек на огромном бархатном диване. Ее хрупкая фигура казалась на его фоне совсем крошечной. Светлые волосы, обычно уложенные в идеальные локоны, сейчас были спутаны и напоминали солому. Она обхватила себя руками за плечи и раскачивалась вперед-назад, как маленькие дети в минуты сильного потрясения.

Лицо опухло от слез, а по щекам разводы от туши. Зеленые глаза покраснели и распухли, под ними залегли темные круги. Она выглядела как призрак. Разбитая. Опустошенная. В этом было что-то настолько неправильное, что я на секунду растерялась.

Моя старшая сестра всегда была идеальная, всегда держащая всё под контролем, знающая, что сказать и как повернуть любую историю в свою пользу. Та, которая плакала только тогда, когда это было выгодно. Она была манипулятором с пеленок, и в нашей семье все знали: Агата всегда получает то, чего хочет.

Особенно, если речь шла о её одержимости.

Понимание пробилось сквозь пелену моей собственной ярости, когда мои мысли натолкнулись на объект этой одержимости.

На её возлюбленного.

– Тия... — прошептала она. — Прости меня. Прости меня,

пожалуйста.

Я не ответила. Я просто смотрела, как моя гордая, властная сестра рассыпается на части у меня на глазах. И злость во мне начала обретать новые, куда более сложные оттенки.

Это она должна была выйти замуж.

Агата, которая несколько лет назад влюбилась в Мигеля Брауна с той одержимостью, на которую способна только она. Я помнила те дни. Помнила, как она тянула за ниточки, устраивала «случайные» встречи, плакала, истерила, шантажировала, притворялась невинной жертвой — всё, чтобы заставить парня на ней жениться. Она хотела его так, как хотят бриллиант в витрине: не потому, что он ей нужен, а потому что он самый блестящий и она не могла позволить кому-то другому его заполучить.

И в итоге она своего добилась. Семьи Честер и Браун заключили сделку, слияние компаний, а союз Агаты и Мигеля должен был стать той самой красивой лентой, что перевяжет деловой контракт. Все были довольны. Все, кроме, возможно, самого Мигеля.

Но ни моя сестра, ни наши семьи не были готовы к тому, что случилось с будущим женихом.

Я знала некоторые подробности, но не могла о них рассказывать. Это был не мой секрет. В семье об этом не говорили, никто не знал настоящую причину, почему жених Агаты вышел из игры. Мигель отказался от союза. Расторг помолвку. И я, наивная дура, думала, что на этом всё закончится. Лег-

комысленно полагала, что отец найдет другой способ спасти свой бизнес, Агата переключится на кого-то другого, и жизнь пойдет своим чередом.

Я никогда не думала, что они просто… заменят молодоженов их младшими.

Я смотрела на сестру, и гнев смешивался в груди с чем-то горьким, вроде предательства, но не совсем. Она сидела здесь и просила у меня прощения, но именно из-за нее я сейчас стояла на краю пропасти, в которую меня толкал собственный отец.

— Я не знала, — всхлипнула она. — Я не знала, что так выйдет. Я думала… я думала, он будет моим. Но папа… — она посмотрела на отца с таким ужасом, будто видела перед собой не родителя, а палача, — Он сказал, что Брауны не принимают отказов.

— Замолчи, Агата, — голос отца прозвучал резко. Он даже не повернулся к ней. Всё его внимание было приковано ко мне, и в его глазах я видела не гнев, а нечто более страшное — холодную, расчетливую непреклонность.

Я перевела взгляд с сестры на него. Кровь стучала в ушах, но я заставила себя дышать глубже, медленнее.

— Отмени помолвку, — сказала я твердо, несмотря на дрожь в руках. — Я ни за что не выйду замуж за незнакомца.

Отец медленно откинулся в кресле, скрип кожи прозвучал в тишине кабинета. Его пальцы сложились в замок на столе, и он смотрел на меня поверх них с тем самым выражени-

ем, которое я ненавидела всем сердцем — снисходительная насмешка взрослого над наивностью ребенка. Он всегда так делал. Всегда заставлял тебя чувствовать, будто ты еще не доросла даже до разговоров с ним.

— Я тебя не спрашивал, Аристия. Ни у кого из нас не спрашивали. У нас просто нет выбора.

— Нет выбора? — я рассмеялась, но смех вышел рваным. — Ты хочешь сказать, что у великого Карлоса Цестера нет выбора, кроме как продать собственную дочь?

— Ты прекрасно знаешь: семья Браун — не те, кому можно перечить. Это не шахматная партия, Аристия. Это вопрос выживания.

— Мне плевать! — я ударила ладонью по столу, и газета снова смялась. — Я не стану инструментом в ваших бизнес-играх. Ты не можешь продать меня как безвольную куклу на аукционе.

— Следи за языком, юная леди. — Он поднялся из кресла, и его фигура нависла надо мной. При моем росте метр семьдесят, когда отец вставал в полный рост, я чувствовала себя маленькой девочкой, которая снова капризничает. — Ты не смеешь мне перечить.

— А ты не смеешь выдавать меня замуж без моего согласия! — я шагнула вперед, сокращая расстояние между нами. Желчь подступала к горлу, каждый нерв был натянут до предела.

Я не отступлю. Не сейчас. Не перед ним.

Тихий, нежный голос донесся из-за спины и я едва сдержала порыв броситься к нему.

— Карлос.

Мама вошла в кабинет так неслышно, что я даже не поняла, когда именно это произошло. Она стояла на пороге, светлые волосы собраны в низкий пучок, и в тусклом свете она выглядела такой же хрупкой, как и ее старшая дочь. Но в ее зеленых глазах, таких же, как у Агаты, горел огонь, который я нечасто в них видела. Обычно мама предпочитала оставаться в нейтралитете, сглаживать углы и быть той самой мягкой силой, что удерживает нашу семью от полного распада. Но сейчас она вошла в этот кабинет не как миротворец.

— Тия права, — тихо сказала она, и в ее голосе не было и тени сомнения. Она подошла ближе, и я увидела, как ее взгляд скользнул по отцу и по скомканной газете. — Мы не можем решать за нее. Она не вещь, Карлос. Она наша дочь.

— София, — голос отца стал предостерегающим, но мама не остановилась.

— Я промолчала, когда речь шла об Агате, потому что она сама этого хотела. Я думала, мы даем ей счастье. — Она перевела взгляд на старшую дочь, и в ее глазах мелькнула боль. — Но Тия… у нее нет выбора. У нее даже нет времени подумать. Ты не можешь вот так, в один день, решить ее судьбу.

— Как вы все не понимаете? — Отец повернулся к маме. В его голосе впервые прорвалось что-то кроме ледяного спокойствия. Он ударил ладонью по столу — и мы все вздрог-

нули. — Ни у кого из нас нет выбора! Седрик Браун от нас и мокрого места не оставит, если я ему хоть слово поперек скажу. Вы думаете, банкротство компании — это всё, что нас ждет?

Он обошел стол и оказался в центре кабинета, сжимая и разжимая кулаки. Я никогда не видела его таким. Отец всегда был собранным, всегда контролировал каждую эмоцию, каждое движение. Сейчас передо мной стоял человек, которого загнали в угол.

— Брауны действуют иначе, чем простое банкротство бывших союзников. Он не просто сотрет меня с бизнес-карты страны. Он уничтожит всё. Каждый из нас будет мечтать о смерти по сравнению с тем, что Седрик с нами сделает. И вы говорите мне о выборе? Мы не можем отказаться.

Тишина, которая воцарилась после его слов, была удушающей. Я смотрела на отца, на капельку пота, выступившую на виске и внутри меня что-то дрогнуло.

Я, конечно, слышала про Седрика Брауна. В деловых кругах его называли акулой, хищником, который пожирает компании конкурентов и не оставляет даже костей. Но я всегда воспринимала это как метафору — как часть того большого, жестокого мира, к которому я не имела и не хотела иметь отношения.

Но сейчас, глядя на сильного, властного, всегда уверенного в себе Карлоса Цестера, который стоял передо мной с лицом человека, смотрящего в лицо собственной гибели, я

начала понимать.

Не может же этот Браун поступить так жестоко с целой семьей просто из-за отказа одной девушки?

Или может?

В животе всё сжалось. Я представила на секунду, что значит не иметь выбора. Представила маму, Агату, себя. Без дома, без защиты, на милости человека, о котором ходят легенды, способные заставить кровь стыть в жилах. Может ли одно мое «нет» разрушить всё, что строил мой отец всю жизнь? Может ли оно стоить нам всего?

Я посмотрела на Агату. Она перестала раскачиваться и смотрела на меня с такой мольбой, что у меня скрутило внутренности. В ее глазах был страх, но был и вопрос. Тот же самый вопрос, который сейчас пульсировал в моей голове.

Я перевела взгляд на маму, которая смотрела на меня с такой болью, что я едва не отвернулась.

А потом мой взгляд снова зацепился за тот заголовок. Те самые буквы. И ярость, которая на секунду уступила место страху, вспыхнула с новой силой.

Нет. Я не стану пешкой. Я не стану жертвой, которую приносят на алтарь чужих амбиций. Если этот мир хочет меня сломать, пусть сначала попробует.

— Делайте что хотите. Но я не соглашусь на эту свадьбу.

Я не стала ждать ответа, не хотела его слышать. Развернулась и вылетела из кабинета так же быстро, как и ворвалась.

Пальцы дрожали, когда я вытаскивала телефон из кармана

джинсов. Экран загорелся, отражая мое собственное бледное лицо и темные волосы, разметавшиеся по плечам. Я нашла нужный чат, отправила сообщение, даже не перечитав, и выскочила на крыльцо. Мой мотоцикл всё еще лежал там, где я его бросила. Я подняла шлем с газона, надела, снова завела двигатель и попыталась уехать как можно дальше от этих людей.

Я летела по городу, ветер снова бил в лицо, но он не мог остудить жар, который пульсировал у меня в груди.

Я злилась на отца. На его ледяное спокойствие, на то, как он смотрел на меня, будто я была непослушным щенком, а не его дочерью, чью жизнь он только что продал.

Я злилась на Агату. На ее заплаканное лицо, на дрожащие губы, на то, как она сжалась в комок на диване, словно маленькая девочка. Она всегда получала то, что хотела. Всегда. Захотела Мигеля — получила. Захотела помолвки — добилась. А теперь, когда ее тщательно выстроенный план рухнул, она сидит и плачет, пока мне приходится расхлебывать последствия ее амбиций. Я знала, что это несправедливо, винить ее в том, что сделал отец. Но внутри всё кипело от обиды, и эта обида искала выход.

Я злилась на всю эту ситуацию. На то, как быстро всё перевернулось с ног на голову. Еще утром я была просто девушкой, которая строила свои собственные планы на жизнь. А теперь я была невестой. Чьей-то невестой. И это «чье-то» имело имя, лицо и фамилию.

Диего Браун.

Одно только упоминание этого имени заставляло желудок сжиматься в тугой узел. Я попыталась вспомнить всё, что знала о нем, и эти обрывки информации складывались в портрет человека, который казался мне одновременно далеким и пугающе реальным.

Я видела его фотографии в деловых журналах, которые отец оставлял на кофейном столике в гостиной. На всех он выглядел одинаково: темные волосы, аккуратно зачесанные назад, острые скулы и глаза холодные, синевато-голубые, которые смотрели в объектив с выражением, не терпящим возражений. В интернете его называли одним из самых завидных холостяков страны, и каждый раз, когда я натыкалась на эти статьи, я невольно листала дальше в поисках хоть какой-то информации о его личной жизни.

Но ее не было.

Вот что меня всегда поражало в Диего — абсолютное отсутствие следов. Ни одной скандальной фотографии с вечеринок. Ни одной папарацци-вспышки, застигшей его с девушкой в ресторане. Ни одного интригующего слуха, который можно было бы пережевывать на светских мероприятиях. О нем не было известно ничего конкретного.

Я не знала, чего от него ждать. Не знала, как он отреагирует на меня. На девушку, которую ему навязали, на замену сестре, которая отказалась от его брата.

Я не знала, ненавидит ли он меня уже сейчас, даже не

встретившись.

Эти мысли кружились в моей голове, когда я влетала в поворот, и свет фар осветил знакомую вывеску кафе.

Я сбросила скорость и затормозила у обочины, припарковав мотоцикл между двумя машинами. Двигатель заглох, и наступившая тишина показалась оглушительной. Я сняла шлем, провела рукой по спутанным темным волосам и посмотрела на стеклянную дверь. За ней виднелись два знакомых силуэта.

Сердце сжалось.

Она была там. Лалина Браун — моя подруга и сестра Диего. Часть той самой семьи, которая только что объявила всему миру о моей помолвке.

Я не знала, как к ней подойти. Не знала, что сказать. Я отправила Несли сообщение с просьбой о встрече, даже не подумав, что Лалина будет рядом. Но конечно, она будет рядом. Они с Несли были неразлучны, эти две совершенно разные девушки, которые каким-то чудом стали моими лучшими подругами.

А теперь я стояла на улице, сжимая в руках шлем, и пыталась собрать мысли в кучу.

Знала ли Лалина? Увидела ли она ту же газету, что и я? Может, она была в курсе с самого начала? Может, вся семья Браун знала, что меня готовят на замену Агате, а я оказалась последней, кого поставили в известность?

Я доверяла Лалине. За последние месяцы она стала для

меня кем-то большим, чем просто подруга. Но она была Браун. И если выбор встанет между мной и ее семьей… что она выберет?

Я сделала глубокий вдох и направилась ко входу. Трясущимися руками толкнула стеклянную дверь, и колокольчик над ней издал знакомый звон. Обычно он означал начало уютного вечера с подругами.

Сегодня он звучал совсем иначе.

Лалина сидела напротив входа. В тусклом свете кафе ее рыжие волосы отливали медью, а голубые глаза смотрели прямо на меня. На ней был простой свитер небесно-голубого цвета, и она выглядела такой ангельски хрупкой, что я на секунду забыла, как сильно ее фамилия душит меня сейчас.

Несли сидела рядом, теребя пальцем прядь своих каштановых крашеных волос.

Я подошла к столику и опустилась на свободный стул. Шлем поставила на пол рядом с ногами. Руки дрожали, и я сжала их в замок, чтобы они этого не заметили.

Повисла неловкая тишина.

Мы с Лалиной смотрели друг на друга и никто не произносил ни слова. В кафе играла тихая музыка, где-то за спиной звенела посуда, но между нами не было ничего, кроме этого немого, напряженного взгляда.

Я видела в ее глазах что-то, от чего сердце забилось чаще. Это не было высокомерие. Не было превосходство. Это было… беспокойство. Страх. И что-то еще, чего я не могла

распознать.

Я хотела начать разговор, но не знала как. Ситуация с каждой секундой становилась только хуже и еще более неловкой.

И вдруг тишину разрезал хлюпающий звук — такой неожиданный и такой характерный, что мы обе вздрогнули.

Мы повернули головы к Несли.

Она сидела, опершись щекой на ладонь, и с самым невозмутимым видом тянула свой коктейль через соломинку. Ее карие глаза смотрели на нас с таким выражением, будто она наблюдала за самым скучным фильмом в своей жизни.

— Что? — спросила она, когда мы обе уставились на нее. Она даже не убрала соломинку изо рта. — Я тоже должна с вами в гляделки играть? Это не я выхожу замуж за горячего брата своей подруги.

Я не сдержала усмешки. Лалина закатила глаза, но уголки ее губ тоже дернулись вверх.

В этом было всё ее существо. Несли не умела сидеть в тишине. Она всегда перетягивала самые тяжелые разговоры в шутку. И пусть иногда это выглядело неуместно, иногда хотелось сказать ей «сейчас не время», но именно она чаще всего вытаскивала меня из бездны, в которую я готова была провалиться.

Сейчас, когда мир рушился у меня под ногами, ее беспечная фраза стала тем якорем, который удержал меня на плаву. Я была благодарна ей больше, чем она могла себе представить.

— Простите, — выдохнула Несли, наконец убирая соломинку и выпрямляясь на стуле. — Я знаю, это не смешно. Просто я не выношу, когда вы обе смотрите друг на друга так, будто одна из вас вот-вот испепелит другую взглядом. Особенно с учетом того, что у Лали взгляд не испепеляющий, а скорее… испуганного кролика.

— Я не испуганный кролик, — возразила подруга.

— Ты выглядишь так, будто собираешься признаться в убийстве, — парировала Несли. — А Тия выглядит так, будто только что совершила это убийство. И я, сидя между вами, чувствую себя соучастницей.

Я невольно улыбнулась, и напряжение в плечах чуть-чуть ослабло.

— Ты всегда найдешь способ сделать из трагедии комедию, — сказала я.

— Не благодарите, — Несли гордо вскинула подбородок.

Лалина выдохнула, и я увидела, как ее плечи опустились, сбрасывая часть невидимого груза. Она снова посмотрела на меня, и в этот раз в ее взгляде не было напряжения, только искренность, от которой у меня защипало в глазах.

— Тия, — сказала она тихо. — Прости за это.

Я молчала, давая ей возможность продолжить.

— Я понятия не имела о планах дедушки. Или о планах брата? Я уверена, что Диего сам только сегодня об этом узнал, как и ты.

Я смотрела на нее, пытаясь понять, насколько это правда.

Но в ее голубых глазах, таких открытых сейчас, не было и тени лжи.

— И что ты думаешь об этом? — спросила я осторожно.

— Я в ступоре, если честно. — Она провела рукой по волосам, откидывая их назад. — Я не знаю, что чувствовать. Злость? Смятение? Потому что, с одной стороны, это моя семья. А с другой… Конечно, я против того, чтобы мою подругу и моего брата заставляли жениться без их согласия!

— Даже если это решение твоей семьи? — спросила я.

В ее глазах мелькнула тень боли, и я знала, что эта боль не имела никакого отношения ко мне. Она была старой, глубоко въевшейся в ее душу.

— Моя семья никогда не была идеальной. То, что случилось со мной, тому подтверждение.

Я поникла.

Я знала, о чем она говорит. Знание этого факта было тяжелым грузом, который мы все трое несли с тех пор, как Лалина открылась нам и рассказала свою историю с Мигелем. История, которая в итоге привела к тому, что теперь продали меня.

Мигель был старшим братом Диего и Лалины. Тот самый человек, который должен был жениться на Агате, но в итоге всё отменил и отправил себя в изгнание.

Он сделал это не из-за Агаты. Он сделал это из-за Лалины.

Когда подруга впервые рассказала нам правду, я не могла спать несколько ночей. Сидела в своей комнате, глядя в по-

толок, и пыталась осознать масштаб того, что она пережила. Ее детство, ее юность — всё это было испорчено.

Только когда Лалина чуть не погибла, он наконец понял, что натворил.

Мигель отступил. Разорвал помолвку с Агатой, отказался от всех притязаний и исчез из ее жизни, решив, что так будет правильно. Что, наказав себя изгнанием, он искупит вину.

Я помнила, как Лалина рассказывала об этом с сухими глазами, но с таким надрывом в голосе, что Несли вцепилась в ее руку и не отпускала до конца разговора.

Я была рада, что Лалина смогла выбраться. Что нашла человека, который подарил ей свободу, которую у неё так долго отнимали. Я была счастлива видеть, как она расцветает, как учится доверять, как снова начинает улыбаться.

Но я никогда, ни на секунду не могла подумать, что ее освобождение будет иметь последствия для меня.

Что свобода Лалины обойдется мне моей собственной.

Мигель ушел, а сделка между семьями осталась. И кому-то нужно было занять его место.

Это место досталось Диего и мне.

Я стала жертвой той же системы, от которой она с таким трудом сбежала. Только мой тюремщик был не безумным братом, а собственным отцом и семейными обстоятельствами.

— Я поговорю с дедушкой, — сказала Лалина, вырывая меня из мрачных мыслей. — Поговорю с самим Диего. Я уве-

рена, брат что-нибудь придумает.

Она подалась вперед и накрыла мою руку своей.

— Тия, я не позволю никому из моей семьи разрушить твою жизнь.

Я смотрела в ее глаза и видела там то, что искала всё это время, пока стояла на улице перед кафе. Она была на моей стороне. Несмотря на фамилию, на кровные узы, она выбрала меня.

Внутри что-то разжалось, и я сделала первый глубокий вдох за последние несколько часов.

— А если ее уговоры не подействуют, у меня есть нож.

Я моргнула, не сразу поняв, к чему Несли клонит.

— Я недавно смотрела видеоуроки по кастрации, — продолжила она с самым серьезным лицом, которое я когда-либо на нем видела. — Правда, там были кошки… но думаю, не такая уж большая разница между ними и людьми.

Я моргнула снова и только потом осознала, что подруга шутит. Лалина рассмеялась, и из меня тоже вырвался смешок.

— Я на секунду подумала, что ты можешь выдать хоть что-то адекватное. Ты сумасшедшая!

— Я знаю, — она пожала плечами с такой невинностью, что мы усмехнулись еще раз. — Но теперь ты улыбаешься.

Я кивнула. И вдруг четко осознала одну вещь: в любой плохой или даже хорошей ситуации, я всегда в первую очередь ищу этих девочек.

Лалина и Несли стали для меня чем-то большим, чем просто подругами. За последний год они превратились в ту самую семью, которую я всегда искала, но никогда не находила в стенах особняка Цестеров. Я была близка с мамой и Агатой настолько, насколько позволяли роли дочери и сестры в такой семье. Но только с этими девчонками я могла быть собой. Не дочерью миллионера, не наследницей, не статусом. Просто Тией. Девушкой, которая любит скорость, ненавидит ложь и может быть обычной.

Мы были такими разными, что казалось невероятным, как мы вообще смогли подружиться.

Лалина — тихая, задумчивая, с душой, которая прошла через такие испытания, что любой другой на ее месте давно бы сломался. Она носила в себе столько боли, сколько я не могла даже представить, но при этом умудрялась оставаться нежной и всепоглощающе доброй, хотя и пыталась казаться холодной и стервозной.

А Несли была ее полной противоположностью. Громкая, дерзкая, с языком без фильтра и сердцем, которое билось где-то на рукаве. Она говорила то, что думала, не заботясь о последствиях, и часто именно это вытаскивало нас из водоворота самокопания, в который мы с Лалиной имели привычку погружаться.

В начале нашей дружбы всё было сложно. Лалина не доверяла нам, особенно мне, и у нее были на то причины, учитывая, кем была моя семья для ее семьи. Она держала дистан-

цию, отвечала односложно, и я чувствовала, что за ее вежливостью скрывается стена, которую мне не пробить. Несли с первой же секунды была более открытой и, наверное, у нас изначально не было выбора, кроме как подружиться, раз она так решила.

Мы пришли к дружбе, о которой я и не надеялась. Медленно, шаг за шагом, через совместные обеды, через ночные разговоры по телефону, через тот вечер, когда Лалина впервые заплакала при нас, а мы с Несли просто сидели рядом, не задавая вопросов и не требуя объяснений. В тот вечер я поняла: эти две девушки стали для меня чем-то большим, чем просто одногруппницами.

— Я переживала из-за твоей реакции, — сказала я, поворачиваясь к Лалине. В голосе всё еще чувствовалась хрипота после смеха, но я хотела, чтобы она знала правду. — Но я так рада, что ты на моей стороне.

Она посмотрела на меня, и в ее глазах мелькнуло что-то влажное. Мне нравилось, что она больше не сдерживает эмоции и может открыто показывать всё, что чувствует.

— Я в первую очередь девушка, которая только недавно получила свободу. Конечно, я буду на стороне подруги, у которой эту свободу хотят отобрать.

Я не была склонна к таким открытым проявлениям чувств, но у меня защипало в глазах. Я не могла передать всю свою благодарность ей. Даже не понимала масштаб своих переживаний о реакции Лалины, пока не услышала ее от-

вет. Не представляю, что бы со мной стало, если бы она выбрала быть сестрой, а не подругой, и осталась бы за семьей, которая хотела лишить меня свободы.

— А я не могу занять твое место, Тия? — вдруг спросила Несли. — Я готова пожертвовать собой и поменяться с тобой местами, но предупреждаю: если ты окажешься в моей семье, ты еще больше потеряешь свободу. Бабушка будет звонить тебе двадцать раз за один только час.

Мы с Лали усмехнулись, и подруга покачала головой, забавляясь нашей гиперактивной собеседнице.

— Тем более у меня был бы такой греческий бог, как Диего, по ночам, — продолжила Несли, и ее глаза мечтательно закатились к потолку. — Поверить не могу… Я бы наконец потеряла девственность!

— Несли! — я толкнула ее в плечо.

— Что? — она смотрела на меня с таким невинным видом, что я не сдержала смеха. — Я серьезно! Ты представляешь, как это звучит? «Моим первым мужчиной был Диего Браун». Это же можно будет рассказывать внукам!

— Твои внуки будут в ужасе.

— Мои внуки будут мне благодарны. Их бабушка подарила бы им гены такого сексуального мужчины.

— Ты говоришь о моем брате, — напомнила Лалина.

— Именно поэтому я и спрашиваю разрешения, а не иду напролом.

Я прекрасно понимала, что Несли шутит. И не винила ее

за то, что она использует юмор. Это был ее стиль поддержки, отвлекать от проблемы и веселить так, будто это поможет избавиться от всего плохого, а самой параллельно искать решение.

— Ты не можешь «занять мое место», потому что это не место в очереди за кофе, — сказала я, пытаясь вернуть разговор в серьезное русло. — Этот брак можно сравнить разве что с тюремным заключением.

— Ну, если смотреть на это с такой стороны, — Несли задумчиво постучала пальцем по подбородку, — Я всегда хотела побывать в тюрьме. Там охранники тоже хороши собой… А охранники имеют право трахать заключенных?

— Несли! — в этот раз мы с Лалиной воскликнули хором, и Несли расхохоталась.

— Ладно, ладно, — она подняла руки вверх, сдаваясь. — Я просто пытаюсь сказать, если они так легко заменили одну сестру другой, то почему это такая проблема поменяться со мной местами? Я серьезно. Я беру на себя Диего и все вытекающие последствия, а ты, Тия, идешь жить своей жизнью. Звучит как честный обмен.

Я покачала головой, но улыбка не сходила с лица. Она могла превратить в абсурд любую, самую страшную ситуацию. И в этом абсурде всегда находила способ сказать самое важное. Что она рядом и всегда на твоей стороне.

— Я не знаю, почему они не могут просто заменить меня на кого-то другого, — сказала я, возвращаясь к ее словам.

— Но то, что я не соглашусь на эту свадьбу — это факт.

— А в чем проблема просто сказать «нет»? — спросила Несли, и в ее голосе впервые за весь вечер прозвучала нотка недоумения. — Они же не потащат тебя связанную к алтарю.

Она засмеялась собственной шутке, но смех замер, когда она увидела наши с Лалиной лица.

— Вы серьезно? Мы в восемнадцатом веке? Неужели такое всё еще существует?

— Мой отец никогда не шутит. Я не знаю всех деталей, но судя по тому, как он выглядел, он был напуган. Я никогда не видела его таким.

— Дедушка… — Лалина замолчала, подбирая слова. — Он не привык получать отказы. И он не из тех, кто прощает. Если Тия скажет «нет» публично, это будет означать войну. А в войне с моим дедушкой никто не выходит победителем.

— Но это бред. Почему какой-то старик — без обид, Лали — может решать, на ком жениться его внуку, а какой-то другой может решать, что его дочь — это разменная монета? Где вы живете? В книгах и фильмах?

— В мире денег, — ответила я горько. — В мире, где у людей вроде Седрика и моего отца свои законы.

— Мы будем настаивать на своем, — сказала Лалина твердо. — Я сделаю всё, что в моих силах.

Я кивнула, но в душе не была уверена, что это сработает. Я не знала Диего. Я не знала, на чьей он стороне. Он мог оказаться таким же, как его дедушка — холодным, расчетли-

вым, видящим в браке только выгоду. А мог оказаться таким же, как Лалина — тем, кто ненавидит эту систему и хочет из нее вырваться.

Но одно я знала точно.

Я больше не собиралась уступать свою свободу.

Мужчины в моей жизни всегда хотели меня контролировать.

Мое прошлое больше никогда не повторится.

Я не позволю Диего стать моим новым поводком. Я не позволю ни ему, ни моему отцу, ни Седрику решать, как мне жить. И я больше никогда не позволю мужчине решать за меня.

Никогда.

Глава 2

Той ночью я так и не вернулась домой, потому что допоздна проторчала с девочками и не могла отпустить даже Несли, хотя я понимала, что ее родители будут недовольны за поздние прогулки. А оставшуюся часть ночи я просто наматывала круги по всему городу, лишь бы не останавливаться и не думать.

Домой я вернулась только под утро и пробралась в свою комнату, как вор, стараясь никого не разбудить. Мне не хотелось видеть никого, поэтому я решила просто запереться в своей комнате, словно бунтующий подросток в самом разгаре пубертата. Часы на стене показывали, что до пяти утра оставалось всего три минуты, и я рухнула на кровать прямо

в одежде, даже не имея сил разуться.

Рассвет уже пробивался сквозь шторы бледно-золотистыми полосами, когда в дверь постучали и это был не вежливый стук сестры или мамы, а тяжелый, властный удар.

— Аристия, открой, — произнес ледяной, спокойный голос отца.

Я не пошевелилась, наивно надеясь, что если притворюсь спящей, он уйдет. Мысль была глупой, но в тот момент она казалась не такой плохой.

— Я знаю, что ты не спишь. Открой дверь, или я прикажу ее сломать.

Я зажмурилась, сделала глубокий вдох и заставила себя подняться на ноги.

Когда я открыла дверь, отец стоял на пороге в безупречном деловом костюме, будто только что вернулся с важных переговоров — его темные волосы были аккуратно зачесаны назад, а глаза оставались такими же холодными, как всегда, хотя я заметила тени под ними, значит, он тоже не сомкнул глаз.

— Одевайся, — сказал он, даже не поздоровавшись. — Через час приедет стилист. Сегодня вечером ужин с семьей Браун.

Я смотрела на него, и внутри меня поднималась горячая волна протеста.

— Я никуда не пойду, — мой голос прозвучал тверже, чем я сама ожидала.

Отец шагнул в комнату, и я инстинктивно отступила на шаг назад, пока он закрывал за собой дверь и поворачивался ко мне всем своим внушительным телом.

— Ты пойдешь, Аристия. Это не обсуждается.

— Ты не можешь заставить меня, — сказала я, скрещивая руки на груди, чтобы скрыть дрожь, и чувствуя, как ногти впиваются в кожу через тонкую ткань футболки. — Я не твоя марионетка.

— Ошибаешься, — его голос не изменился ни на йоту. — Пока ты живешь под моей крышей и ешь за моим столом, ты делаешь то, что я говорю.

— Хорошо. Тогда я уеду, — ответила я в ответ, и в этот момент он усмехнулся — коротко и без тени веселья.

— На чем?

Моё сердце пропустило удар от этих слов.

Я бросилась к двери, вылетела в коридор и побежала к лестнице, перепрыгивая через две ступеньки, а отец даже не попытался меня остановить.

Гараж оказался пустым.

Мой мотоцикл, единственное, что осталось у меня от ощущения свободы, исчез, и на его месте теперь зияло пустое пятно на пыльном полу и было громче любых слов, которые этот человек мог бы сказать.

— Где он? — я повернулась к отцу, который спокойно спускался по лестнице, поправляя манжеты своей безупречной рубашки.

— В безопасном месте, — ответил он. — Ты получишь его обратно, когда сделаешь то, что от тебя требуется.

— Ты не имеешь права! — мой голос сорвался на крик, эхом отражаясь от стен гаража. — Это мой мотоцикл! Я сама покупала его на свои деньги!

— На деньги, которые я дал тебе на карманные расходы. Все, что у тебя есть, дал тебе я. И я могу это отнять.

Я смотрела на него, и ненависть закипала в моей крови, обжигая вены изнутри, потому что он использовал мое же имущество, чтобы шантажировать меня, и делал это без капли сомнения или стыда.

— Я все равно не пойду. Запри меня в комнате, лиши всего, но ты не заставишь меня выйти замуж за человека, которого я даже не знаю.

Отец тяжело вздохнул, и на секунду я увидела, как его безупречная маска контроля дает трещину. Он провел рукой по лицу, и под ней оказался не жестокий тиран, а мужчина, загнанный в угол и не видящий выхода.

— Аристия, — сказал он уже тише, — ты думаешь, мне самому это нравится? Ты думаешь, я мечтал выдать тебя замуж по принуждению?

— Тогда почему ты это делаешь?

— Потому что у меня нет выбора! Седрик Браун — не тот человек, с которым можно спорить. Если я откажусь, он уничтожит все, что я строил тридцать лет. Тридцать лет, Аристия! Ты даже не представляешь, на что он способен.

— Мне плевать на твою империю, на твои деньги и на твои сделки, — прошипела я, чувствуя, как слезы обиды подступают к горлу, но отказываясь их показывать. — Я не продаюсь.

— Ты продаешься не за деньги, — все не сдавался он, и его голос вдруг стал усталым, почти сломленным. — Ты продаешься за жизнь. За жизнь своей матери, своей сестры, свою собственную. Ты думаешь, банкротство — это худшее, что может случиться? Брауны не разоряют людей, они их уничтожают. Полностью, не оставляя ничего. Я пытаюсь защитить тебя, Аристия, так же, как пытаюсь защитить твою мать и Агату.

— Защитить? — я рассмеялась, но смех вышел горьким и рваным, потому что он отдавал меня как скот на рынке и называл это защитой. — Ты продаешь меня и называешь это заботой?

— Ты ничего не понимаешь… — он провел рукой по лицу, и я снова увидела в нем не отца-диктатора, а просто уставшего до глубины души человека. — Если ты откажешься, если публично опозоришь семью Браун, они уничтожат нас всех. Не только меня и не только компанию, всех, кто носит фамилию Цестер. Твоя мать останется на улице, Агата потеряет все, что у нее есть, и ты тоже останешься ни с чем.

— Пусть уничтожают. Я не боюсь их.

Отец посмотрел на меня долгим взглядом, и в его глазах мелькнуло что-то, что я сначала приняла за жалость, но по-

том поняла — это было предупреждение.

— А если я скажу тебе, что если ты не подчинишься, я запру Агату в клинике? — спросил он тихо, и каждое его слово врезалось в мой мозг, как раскаленный гвоздь.

Я замерла, не в силах пошевелиться.

— Что? — выдохнула я, надеясь, что ослышалась.

— Ты слышала меня, — он говорил ровно, спокойно, будто обсуждал погоду или курс акций. — Агата нестабильна. Ты сама видела, в каком она состоянии. Если я решу, что она представляет опасность для себя или для окружающих, у меня есть все полномочия, чтобы поместить ее в закрытое учреждение на неопределенный срок.

— Ты не посмеешь… Она твоя дочь!

— Именно поэтому я должен защитить ее, даже от нее самой, — он скрестил руки на груди и посмотрел на меня сверху вниз. — Но если ты сделаешь то, что от тебя требуется, и будешь вести себя как подобает невесте Браунов, Агата останется дома.

Я смотрела на этого человека и в моей голове никак не укладывалось, что он действительно готов запереть родную дочь в психушке, чтобы заставить другую подчиниться. Но я знала его слишком хорошо, чтобы сомневаться: Карлос Честер никогда не блефовал, и если он говорил, что сделает что-то, он делал это, невзирая ни на какие моральные преграды.

— Я ненавижу тебя, — прошептала я, и эти слова про-

звучали тише, чем я хотела, но в них было столько ярости, сколько я не вкладывала ни в один свой крик.

— Это пройдет, — ответил он равнодушно. — А теперь вернись в комнату и прими душ. Через час стилист будет здесь. И, Аристия? — он выдержал паузу, дождался, пока я подниму на него глаза, и продолжил ледяным тоном: — Если ты попытаешься сбежать сегодня или опозоришь меня на ужине с Браунами, если сделаешь хоть что-то, что выставит нашу семью в дурном свете, Агата отправится в клинику на следующий же день. Это понятно?

Я не ответила, потому что не могла. Он подождал секунду, потом кивнул, удовлетворенный моим молчанием, и ушел, оставив меня одну посреди холодного гаража, где я стояла и дрожала от ярости и бессилия, глядя на пустое место, где раньше стоял мой мотоцикл.

Он использовал мою собственную сестру как рычаг давления, потому что знал: я не позволю Агате пострадать из-за меня, даже если эта сестра была той еще эгоисткой, которая сама втянула меня в эту историю. Он знал, что я подчинюсь, потому что я не могла жить с мыслью, что из-за моего упрямства Агата окажется запертой в палате с белыми стенами, и я ненавидела его за это так сильно, что у меня перехватывало дыхание.

Я вернулась в свою комнату и с силой хлопнула дверью, потому что мне нужно было куда-то выплеснуть этот гнев, но даже этого мне не дали сделать спокойно. Ровно через

час в мою комнату вошла команда стилистов, которую нанял отец. Три женщины в строгих черных костюмах с чемоданами, полными косметики, инструментов и тканей. Они даже не представились и не спросили, что я хочу, они просто принялись за работу, а я сидела перед зеркалом и смотрела на свое отражение, как кукла, которую наряжают для чужой игры.

Они наносили тональный крем на мою бледную кожу, подводили глаза черным, делая мой взгляд более глубоким и пронзительным, укладывали мои волосы волнами, которые падали на плечи и обрамляли лицо, и я смотрела, как из-под их рук рождается незнакомка: красивая, безупречная, но совершенно чужая.

А потом мне принесли платье, и у меня перехватило дыхание, когда я увидела его: темно-синее, как ночное небо, длинное, с разрезом, который начинался от бедра и открывал взгляду мою ногу. Ткань облегала каждую линию моего тела, подчеркивая талию, бедра и грудь, делая меня не просто девушкой, а произведением искусства, и в любой другой день я была бы в восторге от этого платья, но не сегодня, потому что сегодня оно делало меня просто товаром в красивой упаковке.

Я оделась молча, поправила бретельки и провела рукой по разрезу, чувствуя, как прохладный воздух касается моей кожи, а в зеркале напротив стояла не Аристия, которая любила скорость и свободу, а невеста — тихая, покорная, красивая,

и я ненавидела ее всем сердцем.

В назначенное время за мной пришли, и когда я спустилась по лестнице, отец уже ждал внизу, в холле. Его взгляд, полный одобрения, заставил мой желудок сжаться от отвращения.

— Ты прекрасно выглядишь, — он протянул мне руку. — Так и должна выглядеть будущая миссис Браун.

Меня передернуло от его слов, и гнев снова начал закипать во мне, поэтому я не взяла его руку, просто прошла мимо к выходу и услышала, как он вздохнул у меня за спиной, но ничего не сказал.

Машина с затемненными стеклами уже ждала у входа, и шофер открыл мне дверь, а я скользнула на прохладное кожаное сиденье, чувствуя, как платье задирается выше, обнажая еще больше ноги. Я одернула ткань, но понимала, что это бессмысленно, разрез был сделан специально, чтобы привлекать внимание.

Отец сел рядом, и машина тронулась, а весь путь до ресторана он инструктировал меня холодным, деловым тоном, что я должна молчать, что бы ни говорил Седрик, что бы он ни предлагал, я должна кивать и улыбаться, не перечить ему и вообще не открывать рот без разрешения.

— Я не собака, — процедила я сквозь зубы, чувствуя, как унижение обжигает щеки.

— В этой семье и в том доме ты будешь тем, кем скажут. Седрик не терпит неповиновения. Если ты покажешь свой

характер и посмеешь спорить с ним, он сделает нашу жизнь невыносимой. Ты понятия не имеешь, на что он способен.

— Тогда расскажи, — я повернулась к нему, чувствуя, как в глазах разгорается вызов, который он так ненавидел. — Расскажи, чего именно ты так боишься.

Он помолчал несколько секунд, и я увидела, как напряглась его челюсть, прежде чем он заговорил.

— Я видел, что он сделал с семьей Хэмиссов, — сказал он наконец. — Они отказались от сделки с ним в последний момент, решили, что найдут лучшего партнера. Через год их компания обанкротилась, хотя она процветала. Через два — глава семьи покончил с собой. Его жена потеряла рассудок и попала в психиатрическую лечебницу. А их дочь... — он замолчал, и после долгой паузы закончил: — их дочь продала себя не самым лучшим людям и у нее нет ни надежды, ни будущего. Скорее всего она тоже скоро покончит с собой.

Я смотрела на него, и внутри меня разрастался ледяной холод, потому что я не могла поверить, что один человек способен на такое.

— Ты хочешь сказать, что Седрик сделал это с ними?

— Я хочу сказать, — отец повернулся ко мне, и в его глазах стоял тот самый страх, который я видела вчера в кабинете, — что Седрик не оставляет за собой следов, он слишком умен для этого. Но все, кто когда-либо перечили ему, исчезали с деловой карты страны, а иногда и с карты жизни.

В салоне машины повисла тяжелая тишина, и я смотрела в

окно на проплывающие мимо огни города, пытаясь осознать, что мой отец — сильный, властный, влиятельный мужчина — боится другого человека настолько, что готов продать собственную дочь, лишь бы избежать его гнева.

— Я не хочу, чтобы ты пострадала, Аристия, — сказал он намного тише, и в его голосе впервые прозвучало что-то похожее на искренность. — Как бы ты ни думала обо мне, я делаю это, потому что люблю тебя, и твою сестру, и твою мать. Я делаю это, чтобы защитить вас.

— Продавая меня?

— Давая тебе шанс выжить, — ответил он, и больше мы не говорили ни слова до самого ресторана.

«Эдем» находился на крыше небоскреба в центре города, и даже подъезд к нему был похож на церемонию: шофер припарковался у отдельного входа, где нас уже ждали два швейцара в белых перчатках, которые открыли двери, и я вышла на красную дорожку, чувствуя, как каблуки моих туфель глухо стучат по мягкому ковру.

Отец подал мне руку, и на этот раз я взяла ее не потому, что хотела, а потому что знала: если откажусь сейчас, это будет маленьким, но публичным неповиновением, а я не могла позволить себе даже маленьких побед. По крайней мере не сегодня.

Внутри ресторан оказался еще роскошнее, чем я ожидала: хрустальные люстры, мраморные полы, столики, накрытые белыми скатертями, запах дорогих духов, смешанный с аро-

матами изысканных блюд, и официанты, скользившие между столиками как тени.

Я знала, что мои родители пытались забронировать здесь столик на годовщину свадьбы и получили отказ. Запись была на три месяца вперед, но Браунам хватило одного звонка, чтобы весь вечер и весь маленький зал освободили для них.

Власть.

Чистая, неприкрытая, абсолютная власть.

Нас проводили к столику в дальней части зала, у панорамных окон, откуда открывался потрясающий вид на весь город. Огни внизу мерцали, как россыпь драгоценностей, и на секунду я залюбовалась этой красотой, забыв, зачем я здесь. Столик был пуст, потому что мы приехали первыми. Отец боялся опоздать даже на минуту. Он отошел поговорить с кем-то, а я плюхнулась на стул, чувствуя, как гудят ноги от напряжения и болит спина от того, что я сидела прямо все эти минуты в машине.

Я откинулась на спинку, вытянула ноги под столом и вытащила телефон из крошечного клатча, который стилисты сунули мне в руки перед выходом.

Чат «ЛаТиНес»

Я

Этот ужин просто пытка. Я в «Эдеме», представляете? Они освободили весь зал, а мои родители год не могли сюда попасть.

Озабоченная

Укради для меня их салфетки!
И скажи, есть ли там красивые сутенеры?

Озабоченная

Прости, опечатка. Хотела написать «официанты».

Я

Нес, сосредоточься!

Голос разума

Я пыталась поговорить с дедушкой, но в итоге он посмотрел на меня как на ребенка, который лезет во взрослые дела, и просто сменил тему. Я хотела устроить сцену и обидеться на него, но это, кажется, первый раз, когда дедушка не потакает моим истерикам...

Я

Лали, пожалуйста, не впутывайся в это. Я справлюсь.

Озабоченная

Ты уверена? Я посмотрела еще больше уроков по кастрации. Представляете, я нашла видеоурок на человеческом трупе!

Голос разума

Тия, почему мы с ней дружим?

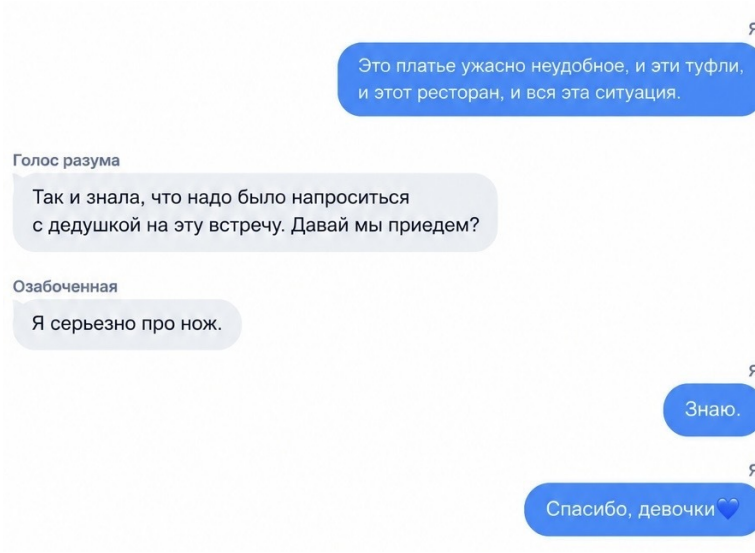
Я

Даже не знаю, что страшнее — твой дедушка или ее исследования.

Озабоченная

Я предпочитаю термин «любительская анатомия в полевых условиях».

Я усмехнулась, и на секунду напряжение в моих плечах чуть-чуть ослабло. Суперсила Несли во всей её красе.

Я убрала телефон в клатч как раз в тот момент, когда отец вернулся к столику, и его взгляд заставил меня выпрямиться.

— Они здесь, — сказал он тихо, и я поднялась, чувствуя, как сердце начинает биться быстрее, а ладони становятся влажными. Я вытерла их о ткань платья, надеясь, что никто не заметит.

Трое мужчин вошли в зал, и мир вокруг меня будто замер.

Первым я заметила Седрика Брауна. Его нельзя было не

заметить, потому что он шел впереди, и его присутствие заполняло собой все пространство. Он был высоким, темные волосы с седыми прядями аккуратно зачесаны назад, а лицо с острыми скулами и тонкими губами хранило выражение спокойной, почти скучающей власти. Несмотря на возраст, он находился в прекрасной форме, и я была уверена, что в молодости этот мужчина разбил не одно женское сердце, но сейчас, глядя на него, я не видела красивого мужчину. Я видела хищника, от которого за километр пахло опасностью, той самой, о которой говорил отец.

Его голубые глаза скользнули по залу и остановились на мне всего на секунду, но этой секунды хватило, чтобы по моей спине пробежал целый табун мурашек. Я не отвела взгляд, я смотрела на него, чувствуя, как дрожь начинается где-то в коленях и поднимается выше, но я не позволила себе отступить, потому что не хотела казаться слабой. Особенно перед ним.

Рядом с Седриком, чуть позади, шел мужчина, в котором я узнала Клинтона Брауна — единственного сына Седрика и отца Лалины и Диего. Он был похож на своего отца: те же голубые глаза, те же черты лица, но в нем было что-то, чего не хватало старшему Брауну.

Мягкость.

Его черты не казались такими острыми, взгляд не таким пронзительным, и от него исходила аура, которую я бы назвала почти дружелюбной, если бы не знала, кто он такой. Он

напоминал мне Хагрида из «Гарри Поттера», такой же большой, устрашающий, но каким-то образом располагающий к себе. Однако я не позволяла себе обманываться, потому что он был Брауном, а они не бывают добродушными, даже если моя подруга носила эту фамилию.

И наконец, за их спинами появился *он*.

Мой взгляд упал на него, и мое сердце, которое итак колотилось как бешеное, пропустило удар, потому что вживую он выглядел даже лучше, чем на фотографиях и в моих воспоминаниях. Он был одет в черный костюм, безупречно сидящий на его широких плечах, и белая рубашка без галстука, с расстегнутой верхней пуговицей, придавала ему вид человека, которому не нужно никому ничего доказывать. Его лицо было скульптурным: высокие скулы, прямой нос, четко очерченные губы, а темные волосы, такие же, как у старших Браунов, уложены назад, открывая высокий лоб и те самые глаза, о которых я столько читала.

Голубые. Холодные. Как у его деда, но иначе. У Седрика в глазах была расчетливая жестокость, а у Диего ледяная пустота, будто за этими глазами не было ничего, кроме долга, обязанностей и, возможно, глубоко запрятанной усталости. Внешностью он был копией отца, но в нем не было ни грамма той мягкости, что я заметила у Клинтона. Диего был холоден, как зимний рассвет, и опасен, как замерзшее озеро, которое может треснуть под твоими ногами в любой момент.

Все трое мужчин обладали одинаковыми голубыми глаза-

ми, но у каждого они горели по-своему.

Я стояла и чувствовала, как его взгляд скользнул по мне. В этом взгляде не было ни одобрения, ни осуждения, а только констатация факта. Он видел меня, зафиксировал и больше не смотрел, а мои руки дрожали так сильно, что я сжала их в кулаки, пряча дрожь в складках платья. Мое сердце билось где-то в горле, дыхание стало поверхностным, и я чувствовала, как пот выступает на спине под тканью, которая внезапно показалась мне слишком тесной и душной.

Я была окружена мужчинами.

Даже мой отец, стоявший рядом, не давал мне чувства защиты, он был частью этого мира. Мира, где мужчины решали, а женщины подчинялись, мира, где я была не человеком, а инструментом. И сейчас, глядя на этих троих Браунов, я чувствовала, как старая, давно похороненная паника поднимается из глубин моего сознания.

Я боялась мужчин.

Не всех и не в обычной жизни, но в ситуациях, когда они окружали меня, когда их воля была сильнее моей, когда я чувствовала себя загнанной в угол, старые страхи, которые я пыталась забыть, выползали наружу.

Этот страх все еще оставался внутри меня, что бы я ни делала, глубоко, там, где я не хотела его признавать, страх перед мужской силой, перед тем, что мое «нет» может ничего не значить. И сейчас, стоя перед тремя Браунами, я чувствовала то же самое: мое «нет» не имело значения, мой отец

уже продал меня, Седрик уже купил, а Диего, судя по всему, просто принял этот факт.

Я была совсем одна.

Но я ни за что не покажу им даже капли своего страха, поэтому я выпрямила спину, подняла подбородок и заставила себя смотреть на Седрика с тем же вызовом, который всегда помогал мне выживать, а дрожащие руки спрятала за спиной, сцепив пальцы в замок, чтобы никто не заметил.

— Мистер Браун, — отец шагнул вперед, протягивая руку. — Рад вас видеть.

Седрик коротко пожал его руку и его взгляд снова скользнул ко мне.

— Аристия, — произнес он. — Вы так же красивы, как говорят.

— Спасибо, — выдавила я.

Клинтон улыбнулся мне тепло, почти по-отечески, и я даже немного опешила от такой неожиданной мягкости.

— Очень рад познакомиться, Аристия. Мой отец немного резок в выражениях, но поверьте, у нас самые лучшие намерения.

Я не ответила, потому что не знала, что сказать. «Самые лучшие намерения» звучали как насмешка, когда речь шла о том, чтобы заставить двух незнакомых людей пожениться.

А потом мой взгляд встретился со взглядом Диего, и он кивнул мне в качестве приветствия, не произнося ни слова, просто стоял в двух шагах от меня, смотрел своими ледяны-

ми глазами, и в его лице не было ни приветливости, ни враждебности, а только пустота.

Седрик жестом пригласил всех садиться, и мужчины начали занимать места за столом, а я ждала, пока отец сядет, чтобы последовать его примеру. Я помнила его наставления, помнила, что должна быть тихой, послушной и незаметной. Но когда я уже собралась опуститься на свой стул, кто-то отодвинул его, и я вздрогнула, оборачиваясь.

Диего стоял за моим стулом, и его рука лежала на спинке, отодвигая его, чтобы мне было удобнее сесть. Такой простой, джентльменский жест, но именно от него такой неожиданный. Я смотрела на этого мужчину, который выглядел так, будто его высекли из мрамора, который не сказал мне ни слова, лишь коротко кивнул, и не понимала, была ли это вежливость или контроль, еще один способ показать, что он решает, где я сижу, как сижу и когда сижу.

Отец откашлялся, и я вздрогнула, выходя из оцепенения.

— Спасибо, — пробормотала я, опускаясь на стул, и почувствовала, как его руки исчезли от спинки, а он сам обошел стол и сел напротив меня.

Теперь между нами была только скатерть, хрустальные бокалы и тяжелый воздух, пропитанный напряжением. Мужчины по бокам начали что-то говорить, но я не слышала их. Весь мой мир сузился до голубых глаз напротив, до этого ледяного взгляда, который, казалось, видел меня насквозь, но не желал ничего с этим делать.

Седрик не стал ждать любезностей. Едва мы расселись, он положил ладони на стол, и его пальцы замкнулись в круг. Этот жест вдруг показался мне угрожающим, будто он заключал всех нас в клетку, из которой не было выхода.

— Думаю, нам нет смысла ходить вокруг да около, — произнес он. — У меня нет всего времени мира, чтобы бегать за прелюдиями. Свадьба должна состояться через три месяца. Все приготовления, организация, списки гостей — этим займется моя команда. Вам, Карлос, останется лишь предоставить необходимую информацию и, разумеется, невесту.

Он даже не посмотрел на меня, когда говорил это, для него я была не частью разговора и не участником переговоров, а просто вещью, которую передавали из рук в руки.

Я открыла рот, потому что внутри меня все кипело от ярости, поднимавшейся из глубин и заполнявшей грудь. Я даже забыла о всех наставлениях папы, потому что как он смеет говорить обо мне будто о предмете мебели, как он смеет решать мою судьбу, даже не спросив моего мнения?

— Отец, — вмешался Клинтон, и я моргнула, поворачиваясь к нему. — Позволь сначала услышать мнение самой Аристии. Согласна ли она на этот союз?

На мгновение я ощутила прилив слабой надежды и встретилась с Клинтоном взглядом, пытаясь передать ему всю свою благодарность за то, что он хотя бы спросил, и я собралась выпалить свое категоричное «нет».

Но Седрик лишь усмехнулся, а эта усмешка не коснулась

его глаз.

— Это не она решает, — сказал он. — Я даже Диего выбора не дал, с чего бы я стал спрашивать какую-то девчонку?

Какую-то девчонку?!

С меня хватит.

— Я не «какая-то девчонка», — мой голос прозвучал резче, чем я планировала, и я почувствовала, как отец напрягся рядом со мной. — Я человек, и у меня есть право голоса в том, что касается моей собственной жизни. Я не согласна и не хочу выходить замуж за человека, которого почти не знаю, по приказу какого-то…

— Аристия! — рык отца был подобен грому, он вскочил со своего места, и его лицо побагровело от гнева и, возможно, от страха. Он наклонился ко мне, и его голос понизился до яростного шепота, который был слышен только нам двоим. — Ты погубишь нас всех своим эгоизмом. Все уже решено!

Я смотрела на него, и в моей груди боролись два чувства, страх перед тем, что он сделает с Агатой, и ярость от того, что меня снова загоняют в угол.

— Решено вами, — прошипела я в ответ. — Без меня.

— Я думал, что у вас было достаточно времени, мистер Цестер, — голос Седрика прозвучал с другой стороны стола, — чтобы остудить пыл дочери и вразумить ее.

— Отец, прошу, это жестоко даже для тебя… — попытался вмешаться Клинтон, но его голос потонул в нарастающем

шуме.

Голоса сливались в невнятный, гневный гул: Клинтон пытался что-то сказать, но Седрик перебил его, мой отец что-то шипел мне на ухо, и я чувствовала, как моя маска спокойствия трескается под натиском всех этих голосов, всех требований, всех этих мужчин, которые решали за меня. Из-под маски вот-вот должны были хлынуть слезы. Я чувствовала их жжение за глазами, чувствовала, как ком подступает к горлу, и ненавидела себя за эту слабость.

И среди всего этого шума резкий звук предельно четко отозвался в моем сознании, пронзительный скрежет дерева по паркету.

Диего отодвинул свой стул и встал, подходя ко мне.

Он не сказал ни слова, просто обошел стол и остановился рядом со мной, протянув мне свою руку. Я смотрела на эту ладонь, ошарашенная: его пальцы были длинными, безупречными, и на секунду я задумалась, когда в последний раз мужчина протягивал мне руку не для того, чтобы взять то, что ему нужно, а чтобы дать мне выбор.

Мой разум кричал, что это часть спектакля, уловка, еще один способ загнать меня в клетку, только с бархатными перчатками, но мое тело, измученное этим конфликтом, отчаянно жаждало бегства. Из этого зала, из этого ресторана, из этой ситуации, которая с каждой секундой становилась все более невыносимой. Моя рука поднялась сама собой, даже не спросив моего разрешения, и мои пальцы коснулись его

ладони, а он сомкнул свои вокруг моих, не требовательно, а просто поддерживающе.

И без единого слова он повел меня прочь через боковую дверь, которую я даже не заметила, мимо официантов, застывших с подносами в руках, мимо стен, увешанных картинами, мимо всего этого великолепия, которое душило меня. Он вывел меня на террасу.

Здесь было тихо, пахло розами и влажной землей после вечернего полива, и когда Диего отпустил мою руку, я сразу почувствовала потерю тепла. Странно, потому что его рука не была горячей, но контраст с прохладным воздухом оказался очень ощутимым.

Он подошел к небольшому столику, на котором стоял кувшин с водой, и налил прозрачную жидкость в хрустальный стакан. Его движения были плавными, неторопливыми, будто у нас было все время мира.

— Прости, что все так сложилось, — произнес он, подавая мне стакан, и в тишине его голос звучал ближе. Низкий, бархатный баритон, который странно щекотал что-то внутри. — Ты, наверное, в шоке.

Я взяла стакан, но не стала пить, просто смотрела на него, пытаясь разгадать. Его лицо было спокойным, но не бесстрастным, как на фотографиях: в этих ледяных глазах, сейчас смотрящих на меня, читалась усталость и еще что-то, чего я не могла определить.

— Зачем ты это сделал? — спросила я. — Зачем вывел

меня?

Он пожал плечами.

— Тебе было некомфортно, — сказал он просто. — Ты заслуживаешь хотя бы минуты тишины перед тем, как мы продолжим этот фарс.

— Фарс? — я усмехнулась. — Ты называешь это фарсом? Твой дед только что объявил о нашей свадьбе, как будто речь шла о слиянии двух корпораций, а я была даже не участником переговоров, а товаром на торгах.

Он ничего не сказал на это, просто стоял, смотрел на меня, и в его взгляде не было ни оправдания, ни несогласия.

— Ты же можешь это остановить, — выдохнула я, чувствуя, как отчаяние снова поднимается внутри. — Скажи, что ты не хочешь этой свадьбы, откажись. Он послушает тебя.

— Не могу, — его голос был ровным, без капли сомнения. — Я здесь ничего не решаю. О планах моего дедушки я узнал не намного раньше тебя.

— Но ты же… — я замолчала, не зная, что сказать, потому что ожидала другого. Ожидала, что он будет так же зол, как я, что будет сопротивляться, доказывать, что он не марионетка. Но он стоял передо мной спокойный, смирившийся, и это смирение пугало меня больше, чем мог бы его гнев.

— Разве ты не должен быть против? Тебя заставляют жениться на незнакомке, ты даже не знаешь меня. Как ты можешь просто согласиться?

— А у меня есть выбор? — спросил он. — Ты видела моего дедушку, ты слышала, как он говорит. Когда Седрик Браун принимает решение, оно становится законом для всех и даже для его семьи.

— Но ты взрослый мужчина, — возразила я. — У тебя есть свои деньги, связи, своя власть. Ты не можешь быть настолько беспомощным.

— Ты думаешь, у меня есть власть? — он усмехнулся, но в этой усмешке не было насмешки надо мной, только горькая ирония над самим собой.

— Ты просто смирился? Ты даже не попытаешься бороться?

Он посмотрел на меня долгим взглядом, и в этом взгляде не было обиды на мои слова.

— Моя жизнь никогда не принадлежала мне, — сказал он. — И твоя, судя по всему, с этого дня тоже.

Я не знала, что ответить. Часть меня хотела продолжать спорить, доказывать ему, что можно бороться, что всегда есть выбор, но другая часть, которая видела страх в глазах отца и слышала его рассказы, понимала, что он прав. Иногда выбора действительно нет.

— Ты просто сдался, — покачала я головой, чувствуя, как внутри поднимается новое разочарование. — Ты даже не попытался.

— А ты? — он поднял бровь. — Ты, должно быть, кричала и спорила, но что это изменило? Твой отец все равно привел

тебя сюда. Твой протест был таким же бесполезным, как и мой.

Я хотела возразить, хотела сказать, что это другое, что я боролась и не сдалась, но слова застряли в горле, потому что он был прав. Абсолютно, невыносимо прав. Я была здесь, в этом платье, с этим макияжем, частью их игры, как бы сильно ни сопротивлялась.

— Я не могу отменить этот союз. Единственное, что я могу тебе обещать — это компромиссы. Мы можем обговорить все детали, условия и требования друг друга и найти способ сосуществовать в этом браке в мире.

— К черту все это! — вспыхнула я снова, но теперь уже от отчаяния, — Я никогда об этом не просила и никогда на такое не соглашалась.

Он слушал, не перебивая, и его спокойствие действовало на нервы хуже, чем приказы отца или холодный взгляд Седрика — он не выглядел ни счастливым, ни несчастным, он выглядел смирившимся, как солдат, получивший приказ, который не обсуждается. Это бесило меня больше всего. Меня выводило из себя, что с того момента, как я узнала про эту чертову свадьбу, я потеряла свое хладнокровие и из-за такого спокойствия Диего была похожа на капризную принцессу, которой не нравится цвет платья, а не на девушку, которую продают в семью миллиардера.

— У меня нет полномочий отменить брак, — повторил он. — Но с этого момента ты под моей защитой. Я сделаю

все, чтобы ты ни в чем не нуждалась, и, естественно, я буду помнить о договорной природе нашей связи — никаких необоснованных ожиданий.

Я смотрела на него, пытаясь переварить эти странные, почти деловые заверения. Он говорил о защите и компромиссах, но не о свободе, принимал этот брак как неизбежность и предлагал мне сделать то же самое.

— Я не хочу компромиссов. Я не хочу быть под чьей-то защитой. Я хочу быть свободной. Я хочу сама решать, как мне жить, с кем мне быть, выходить мне замуж или нет.

Он сделал шаг ко мне, и я инстинктивно напряглась, когда он извлек из внутреннего кармана пиджака небольшую бархатную коробку. Он достал оттуда кольцо. Не обручальное, а простое, изящное, с небольшим прозрачным камнем, который переливался в свете фонарей. Без лишних слов, с сосредоточенным видом он взял мою руку и попытался надеть кольцо на безымянный палец.

Я вздрогнула от его прикосновения. Его пальцы были осторожными, а кольцо прошло легко, будто он точно знал мой размер, будто готовился к этому моменту.

— С размером угадал, — пробормотал он себе под нос, и в его голосе прозвучала тень чего-то, отдаленно напоминающего удовлетворение.

Он не сразу отпустил мою руку, слегка повернул ее, будто разглядывая кольцо на моем пальце, и его большой палец провел по моим костяшкам, по тонкой коже на тыльной сто-

роне ладони, рассеянно, почти нежно, будто он не отдавал себе отчета в этом движении. По моей коже побежали мурашки, щеки предательски вспыхнули, и я резко отдернула руку, сняла кольцо и сунула ему обратно в ладонь.

— Зачем это? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

— Предпочтения в драгоценных камнях у тебя есть? — спросил он, игнорируя мои слова, словно я не вырывала руку, а просто вернула ему вещь.

Он что, хочет купить обручальное кольцо по моему вкусу? Я молчала, сжав губы и глотая ком непонимания. Он не спрашивал моего согласия на брак, но спрашивал, какие камни я люблю. Какая в этом логика?

— Хорошо, — кивнул Диего, убирая кольцо обратно в карман. — Я сам выберу.

Этой фразы, произнесенной с тем же спокойствием, с каким другие люди говорят «погода сегодня хорошая», было достаточно, чтобы во мне что-то сорвалось. Я больше не могла стоять здесь, рядом с этим красивым, но холодным, загадочным человеком, который говорил о защите и компромиссах, но не о свободе.

— Я ненавижу вас всех, — прошептала я, уже не в силах подбирать слова, и бросилась прочь с террасы, через боковой выход на улицу.

Я шла, не разбирая дороги, каблуки стучали по плитке, отдаваясь эхом по всему коридору, глаза заслезились от чи-

стой, бессильной ярости, и я вышла на парковку, задыхаясь и не зная, куда идти.

Он даже не собирался бороться. Диего просто принял это, смирился, как будто речь шла о погоде, а не о его собственной жизни, и оставил меня одну противостоять этим жестоким и влиятельным акулам.

Что мне теперь делать? Как я могу справиться с ними, когда единственный, кто мог бы быть на моей стороне, просто сложил руки?

— Тия! — шепот донесся из-за припаркованного джипа, и я узнала этот голос.

Из-за машины выглянули два знакомых лица, и Несли с Лалиной бросились ко мне, обняв, не спрашивая ни о чем. Лалина обхватила меня за плечи, а Несли за талию, и я оказалась зажата между ними. Я не сопротивлялась, хотя и ненавидела такие проявления привязанности. Я была абсолютно не тактильной. Но я очень любила этих девочек за такую их сторону, они всегда оказывались рядом, когда я больше всего в этом нуждалась, и я должна была понять, что они не могли сидеть и ждать, пока решается моя судьба, даже если сами не могли повлиять на нее.

— Он не собирается мне помогать, — выдохнула я, уткнувшись лицом в плечо Лалины, чтобы скрыть заслезившиеся глаза, и чувствовала, как она гладит меня по голове. — Он даже не думает отменять свадьбу! Он говорит о «компромиссах», будто мы арендуем квартиру, а не заставляют

нас связать наши жизни.

Лалина посмотрела под ноги, и ее лицо исказилось от вины, будто в этом была виновата она.

— Я знаю, — пробормотала она. — Я пыталась поговорить с ними, но они просто сказали мне не лезть. Даже Ди. Это впервые, когда он так отгородился от меня… Но я не оставлю это так, — продолжила она, сжимая мои руки. — Я буду настаивать. Если понадобится поссорюсь со всеми. С дедушкой, с Диего. Мне не важно.

Я резко отстранилась, схватив ее за плечи.

— Нет, не смей, Лали. Они твоя семья, ты только-только начала выстраивать с ними нормальные отношения после всей той истории с Мигелем. Я не стану еще одной причиной твоих ссор.

— Но…

— Никаких «но», — отрезала я. — Я справлюсь сама. Я не позволю тебе разрушать свою семью из-за меня.

— Ладно, королевы драмы, — Несли хлопнула нас обеих по плечу, заставляя отстраниться друг от друга. — Давайте по порядку. Значит, жених — упрямый осел, дед — тиран, а отцы — подпевалы. План «А» провалился, но будут планы «Б», «В» и «Поджечь все к чертовой матери». Я лично обещаю надрать ему ту самую аппетитную задницу, если он хоть раз тебя обидит.

Я фыркнула сквозь непролитые слезы, и Несли, удовлетворенная эффектом, продолжила уже с лукавой, едва ул

вимой ухмылкой.

— А если серьезно, подруга… Ты ведь его рассмотрела? Это же не какой-нибудь дряхлеющий старик и не бабник, запятнавший себя сомнительными историями. И уж точно не урод. Ты понимаешь, что имеешь законное право на тело самого греческого бога и можешь лапать его безнаказанно? Как минимум, визуально присвоить, это же практически подвиг во имя всех женщин!

Лалина застонала, пряча лицо в руках, а я не смогла сдержать короткий, хриплый смешок — это была такая типичная, пошловатая и от этого невероятно родная Несли.

— Нес…— попыталась возмутиться Лалина, но и у нее на губах дрогнула улыбка.

— Эй, я пытаюсь найти что-то хорошее в этой истории. Никто не сможет поспорить, что все твои братья будто с Олимпа сошли. Кстати, могла бы и мне одного из них забронировать, а то я умру девственницей.

— Я не вынесу, если кто-то из моих братьев будет очарован тобой и ты будешь жить в моем доме, — Лалина игриво обняла кареглазую, закатывая глаза. — Ты развратишь всех моих родных. Ты же в бордель превратишь поместье Браун.

— А представь, как бы я доводила твоего деда! Прости, но я свела бы его в могилу или заставила бы на старости лет танцевать на шесте.

— Ты сумасшедшая, — рассмеялась Лалина, и я присоединилась к ней.

В этот момент, сквозь остатки ярости и страха, в моей голове, вопреки всему, проскользнула навязчивая мысль: он действительно был не худшим вариантом в этом кошмарном раскладе. Я вспомнила его руку, протянутую в разгар спора, его тихое «прости», слова о защите и даже это странное, неловкое измерение кольца с его вопросом о камнях. В холодности Диего не было злорадства или пренебрежения, была какая-то своя, непонятная мне обреченность. И да, он был чертовски красив, что так настойчиво напоминала Несли, хоть и не меняло сути.

Я сделала глубокий вдох, понимая, что бегство не удалось, протест не сработал, и оставалось только одно. Пытаться понять расклад сил и своего вынужденного союзника по несчастью.

Я посмотрела на Лалину, на ее родные, тревожные глаза. Она знала его лучше всех.

— Расскажи про Диего, — попросила я. — Поподробнее.

Лалина обменялась взглядом с Несли, которая тут же озарилась азартом, и кивнула.

Глава 3

Звук всплеска воды эхом отражался от стен помещения, где находился наш бассейн и температура воды была идеально прохладной.

Я погрузился в нее с головой и мир снаружи исчез, превратившись в приглушенный гул, который не достигал моего сознания. Тут я находил ту редкую тишину, которую не могли нарушить ни телефонные звонки, ни бесконечные проблемы семьи. Здесь, под водой, не было фамилии Браун и будущего, которое мне навязывали.

Я проплыл еще один круг, чувствуя, как мышцы работают в привычном ритме. Я задержался под поверхностью дольше, чем следовало, испытывая небольшое жжение в легких. Это было приятно, это напоминало мне, что я еще жив, что

мое тело еще подчиняется мне, даже если все остальное давно вышло из-под контроля.

Я вынырнул у бортика, оперся на край и позволил легким восстановить нормальный ритм.

Последние несколько дней требовали той ясности, которую я мог обрести только здесь.

Все перевернулось с ног на голову с ошеломляющей скоростью. Неделю назад я был просто человеком, чья жизнь была четко разделена на зоны ответственности и личное пространство, которое я ревностно охранял от вторжения. У меня были свои привычки, свой порядок, в котором я существовал без необходимости объяснять кому-либо свои действия.

Женитьба не входила в мои планы.

Я никогда не думал о браке как о чем-то, что случится со мной в ближайшем будущем. Может быть, через десять лет, когда я окончательно осяду, когда найду ту, которая не будет смотреть на меня как на банковский счет с ногами. Но даже тогда брак казался мне скорее необходимостью, чем желанием. Продолжение рода, наследники, социальный статус. Ничего больше.

Я наблюдал за девушками из нашего круга, как они строили глазки, шептались за спиной, бросали продуманные взгляды, рассчитанные на то, чтобы выглядеть случайными. Их интересовал не я, а фамилия и статус, который я давал. Я был для них трофеем.

Это было так очевидно, что даже не раздражало. Просто являлось фактом, как цвет неба или температура воды в этом бассейне.

Я вылез из воды, взял полотенце и начал вытираться, чувствуя, как капли стекают по ногам на холодный кафельный пол. Темные волосы мокрыми прядями падали на лоб, и я откинул их назад привычным движением.

Выглядел я так же, как и всегда. Но внутри меня бушевали эмоции и мысли, за которыми я не мог угнаться.

В голове снова и снова прокручивался разговор с дедушкой.

В тот день я вошел в его кабинет, и воздух там был тяжелым, как перед грозой, пропитанный запахом старого дерева, дорогого табака и той особой, ни с чем не сравнимой атмосферой власти, которая заполняла каждую комнату, где он находился. Дедушка сидел за своим массивным столом из черного дерева, и его седая голова была склонена над какими-то бумагами, но когда я закрыл за собой дверь, он поднял взгляд и в этом взгляде, ледяном и пронзительном, не было ни капли тепла.

— Садись, Диего, — сказал он, указывая на стул напротив, — у нас есть разговор.

Я сел, не задавая вопросов. Знал, что он скажет все, что считает нужным, без лишних поощрений с моей стороны. Сложив руки на подлокотниках кресла, я ждал, глядя ему прямо в глаза, потому что в присутствии Седрика Брауна от-

водить взгляд было равносильно признанию слабости, а слабость он презирал больше всего на свете.

— Союз с семьей Цестер должен быть укреплен браком. Ты знаешь об этом.

— Мигель должен был жениться на Агате Цестер, — ответил я, и мой голос прозвучал ровно, хотя при упоминании имени брата внутри меня что-то болезненно сжалось. — Но он отказался от помолвки.

— Мигель больше не является частью этой семьи, — отрезал дедушка, и в его голосе прозвучала сталь, которую я слышал в нем каждый раз, когда речь заходила о моем старшем брате. — Он сделал свой выбор. И теперь его обязанности переходят к тебе.

Я молчал, переваривая смысл его слов, и умом понимал, что злится мне не стоило. Мой брат сам заварил эту кашу. Но от осознания его ошибки легче не становилось. Меня всегда будет бесить любое плохое слово в его сторону, каким бы злодеем он не был.

— Ты женишься на дочери Карлоса Цестера, — продолжил дедушка, не дожидаясь моей реакции. — И этот брак скрепит сделку между нашими семьями окончательно. У тебя есть ровно три месяца на подготовку.

Я открыл рот, чтобы сказать что-то — возразить, спросить, потребовать объяснений, — но слова застряли в горле, потому что я увидел выражение его лица. Он не спрашивал моего согласия. Он не предлагал мне выбора. Он просто

ставил меня перед фактом, как ставил перед фактами всех остальных членов нашей семьи на протяжении десятилетий.

— Я не собираюсь жениться на Агате Цестер, — сказал я наконец, — Она была невестой Мигеля.

— Агата Цестер больше не рассматривается как кандидатура, — дедушка пожал плечами с таким видом, будто речь шла о замене поставщика, а не о судьбе двух людей. — Ее репутация пострадала после того, как Мигель отказался от нее. У семьи Цестер есть вторая дочь.

Аристия.

Имя упало в тишину моего сознания, и я почувствовал, как что-то дрогнуло в моей груди. Не сердце, нет, сердце билось ровно, но где-то глубже, на уровне интуиции, промелькнуло смутное, неоформленное узнавание.

Конечно, я знал это имя. Лалина упоминала его в разговорах с теплотой, восхищением, м той особой нежностью, которую она обычно приберегала для тех немногих, кому доверяла. Аристия была ее подругой. Лучшей подругой, если я правильно понимал природу их связи.

Не знаю почему, но я не ответил дедушке и вышел из его кабинета, а потом следующие несколько часов провел в тренажерном зале, срывая на боксерской груше накопившееся непонимание и ярость, которые никогда не позволял себе проявлять на людях. Удар за ударом, пока кисти не онемели, а разум не перестал выкидывать обрывки мыслей, похожих на крик.

Моя жизнь, мое будущее были перечеркнуты одним предложением, произнесенным сухим, старческим голосом человека, который привык распоряжаться судьбами других, как шахматными фигурами на доске. Я не был для него внуком. Я был инструментом. Пешкой, которую нужно поставить на нужную клетку, чтобы выиграть партию.

И хуже всего было то, что я не мог ничего с этим сделать.

Я знал деда. Знал его достаточно хорошо, чтобы понимать: сопротивление было не только бесполезно, но и опасно для меня, для Лалины, для всех, кто был мне дорог. Он не принимал отказов, и любой, кто пытался бросить ему вызов, исчезал из его мира, либо добровольно, как Мигель, либо по его воле, что было гораздо страшнее.

Но мысль о браке вызывала во мне глухое, непреодолимое отторжение, которое я не мог подавить, как бы ни старался.

Я думал о Мигеле — о человеке, который был для меня не просто старшим братом, а частью меня самого. Мы выросли вместе, делили одни и те же мечты, одних и тех же родителей. Новость, которая вскрылась недавно про Мигеля и Лалину потрясла меня не потому, что она что-то меняла в моих чувствах к брату, а потому, что Мигель скрывал это от меня все эти годы.

Он боялся, что я отвернусь от него. Что я перестану считать его своим братом. Это было настолько абсурдно, что я приходил в ярость от одних только воспоминаний. Мигель был моим братом потому, что мы прошли через огонь и во-

ду вместе, потому что он защищал меня, когда я был слаб, потому что он поддерживал меня, когда я падал.

И это чудовищная история с Лалиной…

Я до сих пор не мог говорить об этом без боли, которая сжимала горло, не давая дышать.

Когда я узнал правду, я был вне себя от ярости и впервые захотел убить брата собственными руками. Я хотел кричать на него, требовать объяснений, но не смог даже удержать от катастрофы. Мигель оглушил меня, поехал за Лалиной и чуть не стал причиной её смерти. А потом просто ушел — добровольно отрекся от семьи и отправил себя в изгнание, решив, что так он наказывает себя за все, что сделал.

Я был зол на себя. Зол за то, что не заметил, как Лалина отстраняется от всех, как гаснет свет в ее глазах, как она перестает улыбаться. Я был зол за то, что не задал вопросов, когда она начала избегать всех нас. Я думал, это обычный подростковый бунт или проявление её нового характера. Я был зол за то, что был слишком занят своими делами и своей жизнью, чтобы увидеть, как моя младшая сестра медленно умирает, а мой брат сам себя в могилу загоняет.

И больше всего я был зол за то, что не смог предотвратить катастрофу. Не смог спасти ни Мигеля, ни Лалину. Я стоял в стороне, ничего не замечая, и позволил им обоим рухнуть в пропасть, из которой не было возврата.

Теперь Мигель был в изгнании, Лалина пыталась собрать себя заново, а я остался один с чувством вины, которое не

проходило, с грузом ответственности, который давил на плечи, и с браком, который мне навязывали.

Но больше всего меня из равновесия вывело то, на ком я должен был женится.

Из всех людей именно она…

Как мне обойти все правила дедушки и освободить лучшую подругу сестры от этого брака?

Я вышел из тренажерного зала, когда за окном уже начало светать, и отправился в душ, смывая с себя пот, кровь от разбитых костяшек и тупую, ноющую боль, которая поселилась в груди и не проходила уже несколько месяцев.

Вода была почти обжигающей и я стоял под ней, глядя на белую плитку стены, пока пар не заполнил всю комнату, превратив ее в подобие тумана, в котором можно было спрятаться от реальности.

Я думал о том, что сказал дедушка. О браке. О девушке, которую мне предстояло назвать своей женой.

Я не хотел связывать свою жизнь с кем-то, кто будет ненавидеть меня за то, что я стал частью системы, которая лишила ее свободы. Я не хотел повторять ошибки своих родителей.

Их брак был образцом того, каким не должен быть союз между мужчиной и женщиной. Мой отец женился на моей матери не по любви — это был договор, заключенный между семьями, такой же, как тот, что навязывали мне сейчас. Мама была красива, молода, полна жизни, и она, кажется, ис-

кренне надеялась, что со временем между ними возникнут чувства. Но отец был слишком занят бизнесом, слишком поглощен требованиями своего отца, и слишком равнодушен, чтобы ответить на ее любовь. Она боролась за него годами, а в последствии ее любовь превратилась в одержимость. Такую больную привязанность, что инициатором развода стал дедушка, несмотря на то, что это он их поженил.

Я не хотел такого брака. Не хотел смотреть, как женщина, которую я должен был назвать своей женой, гаснет рядом со мной, превращаясь в тень.

Единственным примером брака по расчету, который я видел и который не вызывал у меня отвращения, был брак моего самого старшего брата — Энтони. Он был женат на Аманде уже больше десяти лет и их союз нельзя было назвать счастливым в полном смысле этого слова. Он не любил ее, но он уважал ее, заботился о ней, обеспечивал ее всем, что она могла пожелать. Аманда, в свою очередь, любила его глубоко и преданно, и, возможно, именно эта любовь удерживала их брак от распада.

Это были два человека, которые научились сосуществовать под одной крышей, не причиняя друг другу боли. Это не было идеально, но это работало. И я решил, что если мне суждено вступить в брак по принуждению, я буду стремиться именно к такому сосуществованию. Мирному, уважительному, без необоснованных ожиданий и ненужных драм.

Я не буду пытаться заставить Аристию полюбить меня.

Это было бы жестоко и бессмысленно. Я просто постараюсь сделать ее жизнь в этом браке настолько терпимой, насколько это возможно. Дам ей свободу в той мере, в какой смогу. И, возможно, со временем мы станем если не друзьями, то хотя бы людьми, которые не ненавидят друг друга.

Это был тот максимум, на который я мог надеяться.

На следующий день после разговора с дедушкой я вернулся в особняк поздно вечером, и первое, что я увидел, войдя в холл, была Лалина. Она сидела на нижней ступеньке лестницы, поглаживая своего кота по шерстке.

Она подняла голову, когда услышала мои шаги. В ее голубых глазах, таких же, как у всех Браунов, горела такая обида, что я почувствовал себя предателем.

— Ты не можешь так поступить с Тией, — сказала она, вскочив с места и подходя ко мне. — Ты не можешь просто взять и заставить ее выйти за тебя замуж, как будто она вещь, которую можно передать из рук в руки.

— Лали, я…

— Нет, послушай меня, Ди, — она повысила голос, и это было так не похоже на нее, что я замер на месте. — Она не заслуживает того, чтобы ее жизнь разрушили из-за какой-то дурацкой сделки.

Я молчал, давая ей выговориться. Я знал, что спорить с ней сейчас бесполезно. Сестра была слишком расстроена и любые мои слова только подлили бы масла в огонь.

— Дедушка даже слушать меня не стал.

Я сделал шаг к ней, протягивая руку, но она отшатнулась.

— Ты даже не пытаешься бороться, Ди. Ты просто... соглашаешься. Как будто жизнь Тии ничего не значит. Как будто ты не влюблен по уши в другую!

Я замер и напрягся всем телом от её слов. Это была запретная тема, которую она не имела права поднимать. Лалина второй человек, которому я доверил эту тайну, и сейчас она воспользовалась моим секретом, чтобы пристыдить меня и защитить подругу.

Никогда за девятнадцать лет этого не происходило, но сейчас я впервые был зол на сестру. Настолько, что посмел пройти мимо неё, кинув напоследок:

— Не лезь в это, Лалина.

И я прекрасно знал, даже не оборачиваясь, что она была удивлена. А потом и вовсе затаила бы обиду, но на данный момент, мне было все равно.

Слова Лалины отдавались в моей голове, как стук молотка. Я ни на секунду не забывал о своей влюбленности. Эти

чувства не давали мне жить с десяти лет, но и сделать с этим я ничего не мог. Она не могла мне принадлежать. Девушка, которую я безумно любил никогда бы не полюбила меня. Особенно теперь, когда я должен был женится…

Я посмотрел на свою правую руку, где красовалась татуировка полумесяца и вздохнул.

Из тени, Диего.

Продолжай любить её из тени и не приближайся к ней.

Дедушка решил ещё больше надавить на нас с Аристией, после провального ужина в Эдеме и устроил показную фотосессию. Он собирался сегодня же опубликовать в СМИ подтверждение, что наши семьи объяденятся, закрепив все браком.

Я оделся в темно-синий костюм, который выбрал для меня стилист и поехал в студию, расположенную в центре города, в здании, которое дедушка купил несколько лет назад специально для подобных мероприятий.

Когда я вошел в помещение, первое, что я услышал, был возмущенный, полный неподдельного негодования голос, который эхом разносился по коридору.

— А ну-ка убери эти щипцы! Кто вас учил так волосы закалывать? Ты что, не видишь, что полностью меняешь форму ее лица и делаешь из моей подруги кошмар визажиста?

Я остановился на пороге гримерной, наблюдая за хаосом, который царил внутри. Аристия сидела в кресле, окружен-

ная тремя стилистами, которые с озадаченными лицами пытались совладать с ее внешностью, и выглядела так, будто мечтала оказаться где угодно, только не здесь. На ней было очередное красивое платье и даже в тусклом свете гримерной, даже с этим неудачным макияжем, который делал ее лицо слишком кукольным и неестественным, она была красива.

Перед ней стояла Несли Мелони и жестикулировала с такой энергией, будто собиралась вступить в рукопашный бой с каждым стилистом по очереди.

Лалина стояла рядом, пытаясь сдержать подругу, но в ее глазах читалась едва сдерживаемая улыбка. Она заметила меня первой и нахмурилась, демонстративно отвернувшись.

Так и знал, что обидеться…

Я вошел в комнату, и мое присутствие, казалось, охладило пыл Несли, но лишь на секунду.

— Диего, скажи этим... «профессионалам», что они не могут превращать твою невесту в клоуна перед камерой.

Я перевел взгляд на Аристию, проигнорировав Несли.

— Ты готова? — спросил я, обращаясь к ней.

Аристия не ответила, только сжала губы и я увидел, как на ее лице заиграли желваки. Она была зла на меня, на эту ситуацию, на весь мир, который загнал ее в угол.

Я подошел к ней и достал из внутреннего кармана пиджака маленькую, изящную коробочку, которую выбрал несколько дней назад, потратив на это больше времени, чем готов был признать даже самому себе.

Я взял ее руку и на этот раз мои пальцы сомкнулись вокруг запястья с осознанной осторожностью. А потом надел кольцо на безымянный палец, и оно сошлось идеально. Так же, как и в прошлый раз.

Мой палец на мгновение дольше, чем следовало бы, провел по ее пальцам, почувствовав тонкую кость под кожей, и это движение было невольным, почти рефлекторным. Таким, которое я не планировал и не контролировал. Я тут же отпустил ее руку, отступив на шаг быстрее, чем она успела дёрнуться и спрятал свои эмоции за привычным равнодушием.

— Можешь не носить его до официальной церемонии. Но после объявления помолвки придется. На свадьбу будут другие кольца.

Я повернулся, чтобы дать указания фотографу и вышел из гримерной, оставив ее разглядывать синие искры на своем пальце. Но на пороге я уловил обрывок шепота Несли.

— Тия, если ты его не трахнешь в первую брачную…

— Только попробуй закончить это предложение, — моментально перебила Аристия и в ее голосе уже слышались нотки привычного веселого раздражения, — Закрой свою гипертрофированную фантазию, озабоченная.

Я не смог сдержать легкую, почти неосязаемую улыбку, которую тут же спрятал, отдаляясь. Несли была неудержимой, иногда неуместной, но она была абсолютно предана Аристии и моей сестре. Это вызывало у меня уважение.

Фотосессия началась спустя полчаса, после того как стилисты наконец привели Аристию в тот вид, который устроил всех — кроме, возможно, самой Аристии, которая выглядела так, будто ее вели на казнь.

Мы стояли перед белым фоном, под яркими софитами, и фотограф давал нам указания.

— Ближе, пожалуйста. Руку на талию. Да, вот так. Теперь посмотрите друг на друга. Нет, не так сурово, мисс Цестер. Вы же не на дуэли. Улыбнитесь.

Аристия скривила губы в подобие улыбки, которая была настолько фальшивой, что даже я, не отличающийся особой эмоциональной чувствительностью, почувствовал, как она фальшивит.

— Лучше, — соврал фотограф. — Теперь, мистер Браун, посмотрите на невесту с нежностью. Представьте, что это ваш первый танец.

Я посмотрел на неё, стараясь не выдавать своих мыслей.

— Ты всегда такой каменный? — спросила брюнетка тихо, так, чтобы фотограф не услышал. — Или только когда тебя фотографируют с невестой, которую ты не выбирал?

— Всегда. Это проблема?

— Должно быть, с тобой очень весело на вечеринках, — в ее голосе прозвучала такая едкая ирония, что я едва не усмехнулся.

— Я не хожу на вечеринки.

Она закатила глаза и этот жест был таким живым, что я

на секунду забыл, где мы находимся и зачем.

Я наклонился чуть ближе и мой шепот коснулся её уха:

— По крайней мере, не на те вечеринки к которым ты привыкла.

Где-то под кожей у меня зачесалось от вида, который мне открылся. Аристия резко вскинула голову, обращая на меня свой взгляд и с вопросом в глазах посмотрела на меня. Но не это заставило мои фибры колыхнутся.

Она покраснела.

Едва заметный румянец, но все же четкая эмоция смущения.

Интересно.

— Отлично! — крикнул фотограф. — Вот это выражение! Продолжайте в том же духе.

Я не знал, что именно он имел в виду, но мы продолжили позировать, и с каждым новым кадром напряжение между нами росло, становясь почти осязаемым.

— Ты специально пытаешься вывести меня из себя? — спросила она, когда фотограф отошел, чтобы сменить объектив.

— Нет, — ответил я честно.

— Это ужасно. Ты ужасен.

— Ты уже говорила, — напомнил я. — В ресторане. Ты сказала, что ненавидишь нас всех. Я, видимо, входил в это «всех».

Она сжала губы, и я увидел, как на ее щеках снова про-

ступил румянец — то ли от злости, то ли от смущения.

— Так и есть, — подтвердила она. — И будешь входить, пока не отменишь эту дурацкую свадьбу.

— Я не могу ее отменить.

— Можешь, но не хочешь, — огрызнулась она. — Потому что тебе плевать на меня и на мою жизнь. Ты просто делаешь то, что тебе говорят, как послушная марионетка.

— Если это поможет тебе спать по ночам, продолжай думать обо мне что хочешь. Это ничего не изменит.

Она открыла рот, чтобы ответить, но фотограф вернулся и попросил нас встать ближе друг к другу. Я подошел к Аристии почти вплотную, от чего она напряглась, чувствуя мое присутствие так остро, как будто я был раскаленным металлом, а она снежинкой.

— Расслабьтесь, мисс Честер, — сказал фотограф, щелкая камерой. — Вы выглядите так, будто он собирается вас укусить.

— Может быть, я и собираюсь, — пробормотал я достаточно тихо, чтобы только она могла слышать.

Она подняла на меня глаза, и в них вспыхнуло такое искреннее удивление, что я на секунду пожалел, что не могу сфотографировать это выражение и сохранить его в памяти только для себя.

— Что? — переспросила Аристия, не веря своим ушам.

— Просто пытаюсь разрядить обстановку.

— У тебя очень странное чувство юмора, — в ее голосе

уже не было прежней враждебности — только недоумение, смешанное с чем-то, что могло быть любопытством.

— У меня нет чувства юмора. Это была попытка его имитировать.

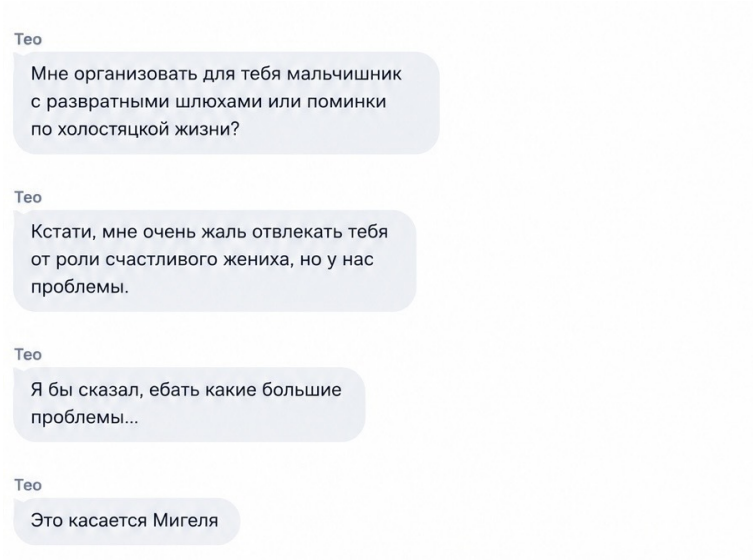
Она фыркнула и этот звук был так близко к смеху, что я почувствовал удовлетворение, которое не мог объяснить.

Фотограф сделал еще несколько кадров, и я заметил, как Аристия постепенно расслабляется. Не полностью, но достаточно, чтобы перестать выглядеть так, будто ее приковали к стулу и пытают. Ее плечи опустились, пальцы разжались, и даже выражение лица стало более мягким, более естественным.

Через пару минут фотограф объявил, что у него есть все необходимые кадры, и я почувствовал облегчение. Не потому, что фотосессия была тяжелой, а потому, что слишком долгое пребывание рядом с Аристией начинало действовать на меня как-то неправильно.

Я отошел в сторону, чтобы выпить воды и остудиться и в этот момент мой телефон завибрировал в кармане пиджака.

Я достал его и увидел сообщение от Тео.

Я поднял глаза и встретился взглядом с Аристией, которая смотрела на меня с любопытством. Она заметила, как изменилось мое лицо, хотя я старался не показывать эмоций.

— Мне нужно идти, — сказал я, поворачиваясь к фотографу и стилистам. — Этих фотографий хватит.

Я вышел из студии, на ходу набирая номер Тео.

Пожалуйста, пусть с моим братом все будет в порядке.

Глава 4

Следующие несколько месяцев пролетели для меня как один долгий, изматывающий день. Который почему-то растянулся на десятки повторяющихся актов одного и того же спектакля, где я играла роль, которую никогда не выбирала, на сцене, которую без моего ведома построили чужие люди по своим правилам.

Я боролась, причём по-разному в разные периоды этого бесконечного кошмара. Сначала отчаянно, с огнём в глазах и той слепой, почти детской уверенностью, что если кричать достаточно громко и достаточно долго, то мир обязательно услышит и всё изменится по моему желанию. Потом я сражалась уже с холодной, методичной яростью, изучая каж-

дую лазейку в контрактах, которые отец под давлением моих истерик всё-таки показывал мне, надеясь найти тот самый пункт или ту самую неточность, которая позволила бы мне выскользнуть из этой клетки. А под конец я боролась просто по инерции, потому что сдаваться было уже поздно, а продолжать становилось с каждым днём всё невыносимее, и каждый новый рассвет приносил с собой только новую порцию бессилия, которая оседала на дне души тяжёлым, нерастворимым осадком.

Каждый мой поход в отцовский кабинет заканчивался одинаково: мои доводы разбивались о каменную стену его «нельзя» и «должна», а его лицо, сначала раздражённое, потом гневное, в конце концов становилось просто усталым. Той особенной усталостью, которая появляется у человека, давно переставшего видеть в тебе дочь и воспринимающего тебя лишь как проблему, которую нужно решить любой ценой. Он больше не кричал, потому что крик требовал энергии, а вся его энергия теперь уходила на то, чтобы удерживать империю, которая шаталась под натиском Седрика Брауна. Он говорил тихо, глядя куда-то мимо меня, в сторону портрета своего отца на стене, словно искал у той мрачной фигуры поддержки или оправдания собственным поступкам.

— Ты думаешь, я не понимаю? Но понимание ничего не меняет, Аристия. Скоро твоя свадьба. И точка.

После этого он отворачивался к окну, и это был сигнал,

что аудиенция окончена, разговор исчерпан, а моя судьба решена. Меня просто выдворяли, и я оставалась в коридоре одна, сжав кулаки так сильно, что ногти впивались в ладони, оставляя на коже полумесяцы.

Мне на нервы действовала и сестра.

В один вечер, когда до свадьбы оставалось меньше недели, она пришла ко мне в комнату без стука, что было на неё совершенно не похоже, потому что обычно моя старшая сестра соблюдала границы, даже если эти границы были ею же самой и установлены. Она просто вошла, закрыла за собой дверь и прислонилась к ней спиной, словно у неё внезапно подкосились ноги и только эта дверь удерживала её в вертикальном положении. Её лицо, бледное и опухшее от непрекращающихся слёз, казалось размытым, будто она плакала не переставая с того самого дня, когда рухнула её помолвка с Мигелем, и эти слёзы были такими же бесконечными, как и моё терпение, которое с каждым днём истощалось всё сильнее.

— Тия… — её голос сорвался на первом же слоге, превратив моё имя в жалкий, дрожащий звук, похожий на стон раненого животного. — Прости меня. Пожалуйста, прости. Это всё моя вина. Я так настаивала на браке с Мигелем, я так хотела быть с ним, что не думала ни о чём другом, не видела ничего вокруг, кроме своей одержимости, которая оказалась такой же хрупкой, как и всё остальное в нашей семье. И теперь из-за моего эгоизма страдаешь ты.

Она подошла ко мне и упала передо мной на колени, схватив мои руки, которые я держала скрещёнными на груди. Её плечи тряслись от беззвучных рыданий, и в тусклом свете настольной лампы она выглядела не как моя старшая сестра, всегда такая сильная, уверенная и безупречная, а как маленькая девочка, которая разбила любимую куклу и теперь не знала, как склеить её обратно.

Даже в такой момент во мне не возникло ни капли сострадания, а только усталая, горькая ярость, поднимавшаяся изнутри. Меня, ту, которую скоро должны были нарядить в белое и обменять на деловые активы, как мешок муки на рынке, собиралась утешать и жалеть та, из-за кого всё это началось. А я, стиснув зубы до скрежета, снова вынуждена была стать опорой, утешителем и понимающей сестрой. Той самой ролью, которую я никогда не просила, но которая неизменно падала на мои плечи.

— Встань, Агата. Это не изменит ровным счётом ничего.

— Но я не могу смотреть, как ты мучаешься! — воскликнула она, поднимая на меня заплаканное лицо, — Я вижу, как ты ссоришься с родителями, как ты замкнулась, как ты перестала улыбаться. Я не хотела этого, Тия. Я никогда не хотела, чтобы ты страдала из-за меня.

— Но это случилось, — я высвободила свои руки из её захвата, потому что её прикосновение начинало душить меня. — И твои слёзы сейчас так же бесполезны, как и мои попытки что-то изменить. Просто… оставь меня одну. Пожа-

луйста.

Она ушла, став ещё более разбитой, чем пришла, и дверь за ней закрылась с тихим, почти неслышным щелчком. А я осталась стоять посреди комнаты, ощущая, как раздражение клокочет во мне, словно вода в чайнике, которая вот-вот закипит и взорвётся. Оно стало моим постоянным спутником — это раздражение, эта злость, эта полная неспособность принять то, что происходило. И я взрывалась на родителей по любому поводу: из-за слишком громкого звука телевизора, из-за тона, которым мама спрашивала, буду ли я ужинать, из-за взгляда отца, в котором я читала осуждение и разочарование. Я сражалась со всеми, кто попадался на пути, потому что иначе чувствовала, что меня просто разорвёт изнутри от этого бессилия, которое с каждым днём становилось всё больше, заполняя каждую клеточку тела и каждую щель в сознании.

Я перепробовала всё, что только могла придумать в своём стремлении избежать этой свадьбы. Я угрожала побегом и отец спрятал мой мотоцикл в неизвестном месте, ключи от которого, как он сказал, будут храниться у него до тех пор, пока я не стану миссис Браун. Я отказывалась выходить из комнаты и тогда он пригрозил, что вызовет врачей, которые вколют мне успокоительное и вывезут из дома в бессознательном состоянии. Я писала письма в газеты, пытаясь рассказать правду о том, что происходит, но каждое моё послание перехватывалось, и ни одна строчка так и не попала в

печать.

Даже с Диего я пыталась бороться — не открыто, не так, как с отцом, а более тонко, используя ту информацию, которую мне удалось собрать. Лалина рассказала мне немного о брате: о его замкнутости, о его почти болезненной неприязни к фальши и притворству, о его любви к лошадям и к тем редким минутам одиночества, которые он мог себе позволить среди всей этой семейной роскоши. Она даже намекнула на то, что у него была какая-то давняя влюблённость, о которой никто в семье не знал, кроме неё. Она не назвала имён и не рассказала подробностей, но этого оказалось достаточно, чтобы я поняла: Диего Браун не был бесчувственной машиной, какой его пытались изобразить. В нём тоже теплилось что-то живое, то, что он тщательно прятал под своей вечной маской ледяного спокойствия.

И я решила использовать эту его слабость.

Если он так ценил спокойствие и тишину, если он ненавидел истерики и скандалы, я стану для него самым невыносимым существом на свете: капризной, взбалмошной, вечно недовольной. Той самой женщиной, от которой мужчины сбегают в первый же месяц совместной жизни. Я была готова играть эту роль, потому что любая роль казалась мне лучше, чем роль послушной невесты, которую ведут к алтарю, как овцу на заклание.

Я устраивала сцены на наших вынужденных совместных мероприятиях. На помолвочном ужине, где громко жалова-

лась на качество вина и на то, что скатерть совсем не того оттенка, который я заказывала; на встрече со свадебным организатором, где отвергала каждое его предложение, каждую идею и каждую деталь, которые он с таким трепетом презентовал. Я критиковала всё, что предлагал Диего, начиная от меню и заканчивая цветом его запонки, причём мои замечания были такими едкими, колкими и ядовитыми, что любой нормальный человек на его месте давно бы сорвался и ответил тем же. Я говорила ему, что его выбор безвкусен, что его предложения скучны, что его присутствие меня откровенно тяготит, и делала это с самой искренней интонацией, на которую только была способна. Я изображала из себя капризную, избалованную наследницу, которой нужны только самое дорогое и самое невозможное.

Но Диего терпел.

Он смотрел на меня своими ледяными серыми глазами, в которых не было ни капли эмоций, выслушивал очередной взрыв и очередную порцию яда, а в ответ я слышала лишь спокойное, ровное: «Как скажешь», или «Обсудим с организатором», или просто молчаливый кивок, который был хуже любых слов. Его невозмутимость сводила меня с ума гораздо сильнее, чем если бы он начал кричать в ответ, потому что в его спокойствии чувствовалось что-то такое, что заставляло меня ощущать себя маленькой и глупой, неуправляемым ребёнком, который бьётся головой о стену в надежде, что это стена треснет первой. Это было всё равно что биться лбом о

бетонную стену, потому что она оставалась невредимой, зато у меня раскалывалась голова и кровоточили костяшки.

Он выполнял свою роль жениха с безупречной, почти механической вежливостью, и между нами по-прежнему лежала непроницаемая стена, которую я не могла ни разрушить, ни даже поцарапать.

И мы неизбежно дошли до финиша. Завтра должна была состояться свадьба.

Последняя ночь перед тем, как моя фамилия официально изменится на Браун. Я чувствовала себя загнанным в угол зверем, который уже отчаянно кусает железные прутья клетки, зная, что они не поддадутся, но продолжая кусать, потому что это единственное, что он ещё может сделать. И кусать надо было до последнего, до той секунды, когда клетка захлопнется окончательно и бесповоротно.

Я назначила ему встречу в маленькой кофейне недалеко от моего дома. Это был мой последний шанс, моя последняя отчаянная мольба о свободе, которую я собиралась выкрикнуть в лицо этому холодному, непроницаемому человеку.

Он пришёл вовремя, как всегда, потому что Диего был одержим пунктуальностью в той же степени, в какой я была одержима своим желанием избежать этого брака. На нём было тёмное пальто, на плечах блестели капли мелкого дождя, который начался примерно за час до его прихода, и эти капли сверкали в тусклом свете кофейни, как маленькие бриллианты, рассыпанные по чёрной ткани. Он сел напротив меня и

заказал эспрессо. Всегда эспрессо, никогда ничего другого, будто боялся, что любое отклонение от привычного ритуала может выдать в нём что-то человеческое и уязвимое.

Его лицо оставалось привычно непроницаемым, ни тени эмоции, ни намёка на то, что происходит у него в голове или в сердце. Он смотрел на меня так, будто я была частью интерьера, предметом мебели, который не требует внимания, и это безразличие заставляло мою кровь закипать в жилах.

— Скажи мне честно, — начала я, глядя ему прямо в глаза и стараясь пробиться сквозь эту ледяную маску, под которой, как мне хотелось верить, всё ещё теплилось хоть что-то живое. — Ты ведь влюблён в кого-то? Не пытайся отрицать и не пытайся уйти от ответа. Лалина рассказала мне достаточно, чтобы я поняла, что ты не свободен. Твоё сердце принадлежит кому-то другому.

Вопрос, казалось, застал его врасплох, хотя он и не подал виду. Его веки лишь чуть заметно дрогнули, а взгляд на мгновение ушёл в сторону, скользнув по мокрому окну, за которым мигали огни вечернего города, будто он искал ответ не на мои слова, а где-то там, в темноте и дожде. Но уже через секунду он вернул его ко мне, и в его серых глазах снова читалась только привычная сдержанность, только та глубокая, непроницаемая пустота, которую я ненавидела всем своим существом.

— Это что-то меняет? — спросил он тихо, и в его голосе не было ни вызова, ни защиты.

— Это меняет всё! — вырвалось у меня, и я наклонилась через стол, сокращая расстояние между нами, будто близость могла помочь мне достучаться до него. — Как ты можешь жениться на мне, если у тебя есть возлюбленная? Как ты можешь обрекать на это и её, и себя? Ты не можешь просто взять и вычеркнуть свои чувства, как будто их никогда не существовало. Ты не можешь притворяться, что тебе всё равно, когда это не так.

Он устало вздохнул, как человек, который слишком долго нёс на своих плечах груз, предназначенный для десятерых. Впервые за все наши встречи в этом вздохе прозвучало что-то человеческое, не отшлифованное до идеальной гладкости, что-то живое, что прорвалось сквозь трещину в его ледяной броне.

— Аристия. Это никого, кроме меня, не касается. Я не могу быть с ней — не в том смысле, в каком ты думаешь, и не в том, в каком это вообще возможно. Она меня не любит. И никогда не полюбит. И ты точно не тот человек, с которым я должен обсуждать мои тайные чувства.

Он замолчал, и его пальцы медленно обвели край крошечной чашки с эспрессо. Этот жест, такой рассеянный и неосознанный, был настолько человеческим и живым, что я на секунду забыла, кто сидит напротив меня.

— Мне жаль, — продолжил он. —Искренне жаль, что у тебя отняли право выбора, что ты оказалась в этой ситуации не по своей воле. Но я тот, кто точно так же, как и ты, лишён

этого выбора. Я не хочу этой свадьбы не меньше, чем ты. Но я не могу её отменить не потому, что не хочу, а потому, что у меня нет такой возможности. Поэтому извини, но я никак не могу повлиять на завтрашнюю церемонию.

— Но я не могу! — уже почти крикнула я, чувствуя, как ком подступает к горлу, как слёзы жгут глаза изнутри, но я гневно сглотнула их, потому что не позволю себе плакать перед ним. — Я не могу потерять свою свободу, Диего. Ты не понимаешь, что для меня значит эта свобода. Ты не знаешь, через что я прошла, чтобы её обрести, и как много мне стоило вырваться из клетки, в которой меня держали раньше. Я не могу снова оказаться в заточении. Если понадобится, я просто исчезну, и меня никто никогда не найдёт.

Он посмотрел на меня долгим, пронзительным взглядом, в его глазах мелькнуло что-то, чего я не могла распознать. Не сочувствие, нет, Диего Браун вряд ли был способен на сочувствие, но что-то очень похожее на понимание. На отражение той боли, которую я пыталась спрятать за гневом и угрозами.

— Ты не сбежишь, — он звучал настолько уверено, что казалось, будто он знает меня лучше любого другого. — Потому что ты Аристия Цестер. Ты не бросишь свою семью, зная, к чему это приведёт. К краху, к уничтожению, к тому, что дедушка сотрёт их с лица земли, как стирают пыль с мебели. Ты не бросишь Лалину и Несли, потому что они для тебя больше, чем просто подруги, и ты знаешь, что твой по-

бег отразится и на них. Ты не из тех, кто бежит. Ты из тех, кто борется. Даже когда борьба безнадежна.

Он озвучил мои самые страшные, самые тайные мысли. Ту цепь, которая держала меня здесь, в этой клетке, не давая вырваться на свободу. Не страх перед отцом и не страх перед Седриком Брауном удерживали меня на месте, а ответственность и любовь. То самое проклятое чувство, которое заставляло меня жертвовать собой ради других, даже когда другие не сделали бы того же ради меня.

Он видел меня насквозь, и от этого становилось ещё страшнее. Не потому, что он мог использовать это знание против меня, а потому, что он оказался единственным человеком, который действительно меня понял.

Я откинулась на спинку стула, чувствуя себя побеждённой, ощущая, как силы покидают моё тело и как уходит вся злость, которая поддерживала меня последние месяцы. Мы сидели в тяжёлом молчании, нарушаемом только тихой музыкой, игравшей в кофейне, и звоном посуды за соседними столиками. Я смотрела на его руки и впервые задумалась о том, что, возможно, он не враг. Возможно, он такой же пленник, как и я, только научившийся не показывать этого.

— Я не буду тебя ограничивать, — сказал Диего вдруг, нарушая тишину, — Ты должна это знать, Аристия. Я не собираюсь запирать тебя в клетке, не собираюсь указывать, что тебе делать, с кем встречаться, куда ходить. Единственное, о чём я попрошу — это верность в физическом смысле, пото-

му что скандалы вокруг семьи Браун и так слишком часты, чтобы добавлять к ним ещё и измены жены. И на людях нам придётся изображать счастливую пару: улыбаться, держаться за руки, делать вид, что мы сделали этот выбор по любви, а не по принуждению.

Я не верила своим ушам, пытаясь понять, где здесь скрыт подвох, в каком месте он расставлял для меня ловушку.

— Во всём остальном ты будешь абсолютно свободна. Мы будем спать в отдельных комнатах, я не прикоснусь к тебе без твоего согласия, и ты можешь не бояться, что я буду навязываться или требовать супружеских обязанностей. Ты сможешь заниматься тем, чем хочешь. Продолжать учёбу, работать, путешествовать, встречаться с подругами. Если захочешь, мы переедем в отдельный дом и не будем жить в поместье Браунов, чтобы ты не чувствовала себя под постоянным наблюдением. Я не буду контролировать твои расходы, не буду проверять твой телефон, не буду следить за каждым твоим шагом.

Он замолчал, давая мне время переварить его слова, и я сидела, оглушённая, не в силах поверить в то, что слышала.

— Почему? — спросила я наконец, и мой голос прозвучал хрипло, почти шёпотом. — Зачем тебе всё это? Ты мог бы просто… забрать меня, запереть в золотой клетке и делать всё, что захочешь. Ты мог бы превратить мою жизнь в ад, если бы захотел. Почему ты предлагаешь мне ограниченную свободу?

— Потому что я знаю, каково быть в клетке.

Я хотела сказать что-то ещё, но слова застряли в горле, потому что я вдруг поняла, что он говорил правду. Не ту гладкую, приукрашенную правду, которую говорят, чтобы успокоить жертву перед ударом, а настоящую, неприкрытую, болезненную правду человека, который сам всю жизнь был жертвой.

— Я не обещаю, что буду хорошей женой, — сказала я, и в моём голосе всё ещё слышался вызов, но уже не тот слепой, отчаянный, что был раньше, а скорее предупреждение. — Я не буду притворяться, что счастлива, если это не так. Я не буду улыбаться на камеру, когда внутри меня всё будет кричать от отвращения к этой ситуации.

— Я и не сомневался, — в уголках его губ мелькнуло что-то, отдалённо напоминающее улыбку. — Я прошу только о том, о чём мы договорились: о внешнем приличии и о верности. Всё остальное — твоё.

Он расплатился, даже не взглянув на счёт, и встал, поправляя пальто.

— Я отвезу тебя домой. Тебе нужно отдохнуть перед завтрашним днём.

— Сама доеду. Мне не нужен сопровождающий, — буркнула я, поднимаясь и хватая свою кожаную куртку, висевшую на спинке стула.

Он нахмурился, его взгляд скользнул по моей одежде, по всему тому, что делало меня мной, а не той идеальной неве-

стой, которую он, возможно, хотел бы видеть рядом с собой.

— Ты уверена, что не нужна помощь? — начал Диего, в его голосе прозвучала осторожная нотка, которая могла быть заботой, а могла быть просто вежливостью. Но он словно поймал себя на слове и резко оборвал фразу, будто понял, что его слова могут быть истолкованы как попытка контроля. — Ладно. Будь осторожна.

Я вышла на улицу, где всё ещё моросил прохладный мелкий дождь, и воздух пах мокрым асфальтом, выхлопными газами и особенной, ни с чем не сравнимой тоской, которая всегда приходит перед расставанием с чем-то важным. Я достала телефон и уже собиралась вызвать такси, когда почувствовала, как чья-то рука с железной хваткой впивается в моё запястье, резко дёргает меня в сторону и тащит за угол здания.

Я вскрикнула от неожиданности и острой боли, которая пронзила руку до самого плеча. Я потеряла равновесие и едва не упала на мокрый асфальт. Меня с силой прижали спиной к холодной кирпичной стене, и в лицо ударил знакомый, тошнотворный запах дешёвого одеколона и перегара. Запах, который я надеялась забыть навсегда, но который преследовал меня, как проклятие.

Дерек.

Его лицо, искажённое злобой и какой-то нечеловеческой одержимостью, оказалось в нескольких сантиметрах от моего, и я видела каждую пору на его коже, каждый волосок, вы-

бившийся из идеальной причёски, которой он так гордился. Его глаза, когда-то такие красивые и манящие, теперь были налиты кровью и горели безумным огнём, который я видела только раз в жизни. В тот самый день, когда наконец собрала вещи и ушла от него, несмотря на угрозы и мольбы. Его пальцы впивались в моё запястье с такой силой, что кости почти хрустели, а боль была настолько острой, что у меня потемнело в глазах.

— Весело тебе? — прошипел Дерек, и его дыхание обожгло моё лицо. — Воркуешь с женихом, да? Строишь из себя счастливую невесту?

Отвращение и давний, въевшийся в кожу страх сковали моё горло. Несколько секунд я не могла говорить, пытаясь справиться с паникой. Я попыталась вырваться, но его хватка только усилилась, и я почувствовала, как ногти впиваются в мою кожу, оставляя следы, которые будут видны ещё несколько дней.

— Отпусти меня, Дерек, — я стараясь, чтобы голос не дрогнул, чтобы он не услышал того страха, который душил меня. — Уходи. Не позорь себя ещё больше, чем ты уже опозорился. Всё давно кончено между нами.

— Вот как ты запела теперь, — он фальшиво засмеялся, и этот звук полный злобы пробежал по моей коже ледяными мурашками, заставляя волоски на руках встать дыбом. — Ты уже легла под него, да? Отдала себя богатому сопляку, как дешёвая шлюха, которая продаётся за деньги и положение?

Ты думаешь, он будет любить тебя? Думаешь, он будет заботиться о тебе? Он выбросит тебя, как только ты ему надоешь!

Я не успела ответить, да и не знаю, что бы я сказала, потому что в этот момент слова застряли в горле, а я могла только смотреть на его безумное лицо и молиться, чтобы кто-нибудь прошёл мимо.

Дерек даже не заметил опасности.

Диего подошёл так бесшумно и незаметно, что я не поняла, когда именно это произошло. Одно мгновение я осталась одна, прижатая к стене, а в следующее его рука уже лежала на плече Дерека с такой спокойной, почти расслабленной уверенностью, будто он просто положил руку на плечо старому знакомому, чтобы поздороваться.

Казалось, он лишь слегка коснулся моего бывшего. Но Дерек взревел от внезапной, дикой боли, которая пронзила его тело. Диего одним точным движением выкрутил его руку, заломил за спину и скрутил запястье под неестественным углом. Звук, который раздался в тишине вечерней улицы, был тихим, хрустящим, похожим на треск сухой ветки под ногой, и от этого звука похолодело всё внутри — не потому, что мне было жаль Дерека, а потому, что я впервые видела такую холодную, расчётливую жестокость.

Диего оттолкнул Дерека от меня, и тот отлетел к противоположной стене, ударившись об неё спиной и сползая вниз, хватаясь за повреждённую руку, которая безвольно свисала. Его лицо побелело так, что даже губы потеряли цвет.

Диего подошёл ко мне, взял мою руку и осторожно, почти невесомо развернул её, осматривая запястье. На белой коже уже проступали красные, а затем и синеватые следы от пальцев. Отпечатки, которые будут напоминать мне об этой встрече ещё долгое время. Я видела, как что-то в глазах моего жениха изменилось: лёд, который я привыкла там видеть, растаял, обнажив сталь, раскалённую докрасна.

Он снова повернулся к Дереку.

Тот, увидев его взгляд, попытался отползти, прижимаясь спиной к стене и бормоча что-то невнятное, то ли молитву, то ли извинение, которое уже ничего не могло изменить. Диего не стал спешить. Он просто подошёл, опустился на одно колено перед ним и взял его за вторую, здоровую руку.

Раздался ещё один приглушённый хруст, а затем громкий, сдавленный стон, похожий на вой раненого зверя. Дерек замер, глядя на свои безвольно повисшие руки с немым ужасом, который исказил его лицо.

Я отвернулась, сжавшись в комок и обхватив себя руками за плечи, потому что меня трясло от того, что я только что увидела. Не от жалости к Дереку, он заслуживал всего этого и даже больше, а от того, с какой лёгкостью и с каким леденящим душу спокойствием Диего это сделал. Это была не ярость горячей крови и не вспышка гнева, которая проходит так же быстро, как начинается. Это была расчётливая, продуманная кара, которая говорила о том, что этот человек привык решать проблемы раз и навсегда, не оставляя воз-

можности для повторения.

Мне впервые стало по-настоящему страшно от того, за кого я должна была завтра выйти замуж.

Пальцы Диего снова коснулись моей руки, но теперь это прикосновение было совсем иным. Осторожным, почти невесомым, будто он боялся причинить мне ещё больше боли, будто понимал, что я и так уже на грани.

— Пойдём. Я отвезу тебя домой.

Я не стала сопротивляться. Молча позволила отвести себя к его чёрному внедорожнику, припаркованному у обочины, и села на пассажирское сиденье, чувствуя, как ноги подкашиваются, а сердце колотится где-то в горле. Мы ехали в полной тишине, нарушаемой только шумом двигателя и ритмичным стуком дворников о мокрое стекло, и этот монотонный звук действовал на меня как гипноз, погружая в какое-то полубессознательное состояние, где мысли текли медленно и тяжело.

Мой бунтарский пыл и моё раздражение куда-то испарилось, оставив после себя пустоту и лёгкий, непреодолимый трепет, который я не могла объяснить. Я смотрела на его профиль, освещённый неоновыми огнями улицы, которые проплывали за окном, окрашивая его лицо в синие и красные цвета. Спокойный, сосредоточенный, абсолютно контролирующий себя и ситуацию. Он казался таким же далёким и недосягаемым, как звёзды на ночном небе, но в то же время таким близким, таким реальным, что я могла бы протянуть

руку и коснуться его.

Мой бывший парень заслужил то, что с ним сделал Диего. Мне не было его жалко. Он мучил меня годами, контролировал каждый мой шаг, каждое слово. Он убедил меня, что я ничего не стою без него, что никто другой не полюбит меня, что я должна быть благодарна за то, что он вообще обратил на меня внимание. Он был той самой клеткой, из которой я так долго и мучительно выбиралась, и каждый раз, когда я думала, что наконец свободна, он появлялся снова, напоминая, что прошлое не отпускает так просто.

Но сейчас, вспоминая его сломанные руки и искажённое болью лицо, я чувствовала не удовлетворение, а странное, тревожное спокойствие. Как будто что-то внутри меня наконец расслабилось, зная, что этот кошмар может закончиться навсегда.

Диего остановил машину у нашего дома. Дождь почти прекратился, оставив после себя только влажный блеск на асфальте и тот особенный запах свежести, который бывает только после грозы.

Он вышел из машины, обошёл капот и открыл мне дверь, протягивая руку. Я колебалась несколько секунд, глядя на его ладонь: широкую, сильную, с длинными пальцами, которые всего несколько минут назад с такой лёгкостью ломали кости другому человеку. Но в этом жесте не было угрозы, не было требования, а только странная, неуклюжая забота, которую я никак не ожидала от него.

Мой взгляд зацепился за его ладонь и впервые с момента нашего я вгляделась в его татуировку. Рисунок полумесяца с синими отливами и бликами. Впервые видела, чтобы на ладони делали татуировки. Его татуировка была расположена на ладони и немного переходила на тыльную сторону. Этот рисунок привлек моё внимание и похоже врезался в мою память.

Я всё же положила свою руку в его протянутую ладонь, и его пальцы сомкнулись вокруг моих. Диего помог мне выйти из машины, и мы стояли так несколько секунд, глядя друг на друга в свете уличных фонарей. В этой тишине было что-то такое, отчего моё сердце забилось быстрее, но я убедила себя, что это остатки адреналина.

— Завтра ты станешь моей женой. А это значит, что никто не останется безнаказанным, если сделает тебе больно. *Никто*. Я неважно отношусь ко многим вещам, Аристия, но к угрозам в адрес тех, кто находится под моей защитой, я отношусь очень серьёзно.

Он посмотрел на проступающий синяк на моём запястье, и его челюсть напряглась, а желваки заиграли на скулах.

— Прости, если напугал, — в его голосе впервые прозвучало что-то, похожее на извинение. — Я… потерял контроль. Но это повторится с каждым, кто проявит к тебе неуважение или причинит тебе вред. И в следующий раз я не остановлюсь на сломанных руках.

Он отпустил мою руку, и его прикосновение исчезло, но

на коже осталось ощущение.

Я кивнула, не в силах вымолвить ни слова, и повернулась к дому. За спиной я услышала, как захлопнулась дверца машины и заурчал двигатель, но не обернулась. Просто поднялась по ступеням, ощущая на себе его взгляд, который, я знала, следил за мной, пока я не скрылась за тяжёлой дубовой дверью.

Завтра должна была состояться свадьба. И мой жених только что наглядно продемонстрировал мне, каким мужем он будет — холодным, безжалостным к врагам, но давшим слово, которое, как ни странно, стало первой по-настоящему твёрдой точкой в этом кошмарном вихре, уносившем меня в неизвестность.

Я боялась. Я ненавидела эту ситуацию, ненавидела отца, ненавидела Седрика Брауна, и ненавидела всех, кто загнал меня в этот угол. Но в самой глубине моего существа, заглушаемая всеми другими чувствами, теплилась крошечная, опасливая мысль: с ним, возможно, мне действительно больше никогда не будет больно. По крайней мере, не от таких, как Дерек, и не от тех, кто попытается причинить мне вред просто так.

А что до боли другого рода, от потери свободы, от навязанной жизни, от необходимости носить маску счастливой невесты, когда внутри всё кричит от отчаяния, с этим мне предстояло разбираться уже самой, и я не была уверена, что у меня хватит на это сил.

Я поднялась в свою комнату, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, сползая на пол и обхватывая колени руками. Слёзы, которые я сдерживала так долго, наконец прорвались наружу, и я плакала тихо, пряча лицо в коленях, чтобы никто не услышал. Я плакала о своей свободе, о своём будущем, о той жизни, которую у меня отняли, даже не спросив, хочу ли я её терять.

Но сквозь слёзы, и сквозь отчаяние пробивалась ещё одна тихая, настойчивая мысль.

Диего Браун не был чудовищем. Он был таким же пленником, как и я, только научившимся не показывать этого. И, возможно, если нам суждено оказаться в одной клетке, мы сможем сделать эту клетку чуть более обитаемой.

А может быть, даже найти способ из неё выбраться.

Глава 5

Меня разбудили задолго до того, как первые лучи солнца коснулись шпилей собора, в котором мне предстояло похоронить свою свободу. Ещё не открыв глаз, я чувствовала чужое настороженное присутствие в каждом уголке особняка: осторожные шаги по коридору, приглушённые шепотки, которые то затихали, то вспыхивали вновь, звон посуды где-то внизу, где прислуга готовила завтрак, который никто не будет есть. Воздух в моей комнате стоял тяжёлым и неподвижным, пропитанным запахом цветов, доставленных накануне вечером. Белых роз, лилий и ещё каких-то экзотических растений, названий которых я не знала и не хотела знать, потому что каждый вдох напоминал мне о том, ради чего эти цветы

были срезаны.

Потом в дверь постучали и в комнату вошла целая процессия, возглавляемая мамой с чашкой чая в руках. Мама, несмотря на все мои прошлые отказы, упорно продолжала предлагать мне этот чай каждое утро, будто надеялась, что в этот раз я соглашусь. За её спиной двигался целый отряд людей с сумками, чемоданами, стойками с одеждой и коробками, которые, судя по логотипам, содержали в себе туфли, фату и украшения. Все то, что было выбрано для меня без моего малейшего участия.

— Доброе утро, мисс Цестер, — произнесла женщина, чей голос звучал профессионально-бодро, с той неестественной веселостью, которая бывает только у людей, привыкших работать с невестами в день их свадьбы и знающих, что большинство из них в этот момент мечтают оказаться где угодно, только не здесь. — У нас сегодня большой день.

Большой день.

От этой фразы мой желудок скрутило в тугой болезненный узел, а ладони стали влажными, хотя в комнате было прохладно. Я молча позволила им усадить себя за туалетный столик, перед огромным зеркалом, где отражалось моё не отдохнувшее и усталое лицо.

Они двигали мной, как куклой.

Я смотрела в зеркало на своё отражение, которое постепенно переставало быть моим, превращаясь в чужое, безупречное лицо. Лицо женщины, которую готовят к продаже,

как дорогую куклу перед выставкой. Моя кожа стала гладкой и сияющей, глаза огромными и таинственными под слоем туши и теней, а губы соблазнительно-алыми, как капли крови на белом снегу. Они сделали из меня потрясающую картинку, ту картинку, которая должна была появиться на первых полосах завтрашних газет и вызвать завистливые вздохи у тысяч девушек, не знавших, что за этой картинкой скрывается ледяная пустота и подступающая невыносимая паника, от которой у меня перехватывало дыхание.

Платье доставили в огромной коробке из белого картона, перевязанной атласной лентой такого же белого цвета, и когда коробку открыли, даже в моём оцепенении и защитной отрешённости, в которую я погрузилась, чтобы не сойти с ума, я не могла не оценить работу мастеров, создававших это чудо несколько месяцев. Платье оказалось настоящим произведением искусства, шедевром, в который вложили сотни часов труда, тысячи стежков и миллионы бисеринок, мерцавших в свете ламп, как звёзды на ночном небе. Изящный струящийся шёлк обтекал фигуру, переходя в кружево ручной работы. Тончайшее, почти невесомое, покрытое вышивкой из кристаллов, которые вспыхивали синими оттенками при каждом движении. Лиф скроили так, чтобы подчеркнуть каждый изгиб тела, и когда я представила, как буду идти в нём по проходу, мне показалось, что я несу на себе не ткань, а тяжесть всей своей будущей жизни.

Меня затянули в этот шедевр, как в корсет: несколько пар

рук поправляли каждую складочку, пока ткань не легла идеально, как вторая кожа. Я стояла посреди комнаты, утяжелённая тканью и драгоценностями, которые мне предстояло надеть, и чувствовала себя не невестой, а живым экспонатом на аукционе, где меня выставляли на продажу самым дорогим лотом: красивым, дорогим, безупречным и абсолютно несчастным.

Глядя на своё отражение в зеркале, меня накрыло новой волной отчаяния, такой сильной и внезапной, что у меня подкосились ноги, и я вынуждена была опереться на спинку стула, чтобы не упасть. Я вспомнила слова Диего в кофейне, тихо произнесённые слова о том, что его сердце принадлежит другой женщине.

Теперь я была обречена провести жизнь с человеком, чьё сердце занято кем-то другим, с человеком, который смотрел бы на меня, но хотел бы другую. Я стану его законной женой, хозяйкой его дома, возможно, даже матерью его детей, если он когда-нибудь решит, что наследники ему нужны, но я никогда не стану той, кого он действительно хочет видеть рядом. Я буду вечным напоминанием о его несбывшейся любви, живым укором и препятствием на пути к тому счастью, которого он, возможно, никогда не достигнет, но продолжит к нему стремиться в своём сердце.

Мы оба застряли в этой клетке с золотыми прутьями, которую для нас построили другие люди, руководствуясь своими интересами, амбициями и страхами. Но его ловушка ка-

залась мне ещё страшнее, потому что он знал вкус настоящих чувств и потерял их, а я… я даже не успела понять, что такое настоящая любовь, как меня уже продали, даже не спросив, хочу ли я вообще когда-нибудь выходить замуж.

В дверь постучали и прежде чем я успела ответить, в комнату ворвались Лалина и Несли. Они замерли на пороге, и на их лицах отразился сначала неподдельный восторг, который тут же сменился тревогой, когда они встретились с моим взглядом и увидели в нём то, что я не могла скрыть: отчаяние, страх, и ту глухую бессильную ярость, которая кипела во мне, не находя выхода.

— Богиня, — выдохнула Несли, подходя ближе и осторожно касаясь кончиками пальцев рукава моего платья, будто боялась, что оно рассыплется от её прикосновения. — Ты выглядишь просто потрясающе, Тия. Серьёзно, если бы я была парнем, то начала бы за тебя войну. Ты самая красивая невеста, которую я когда-либо видела.

— И самая несчастная, — тихо добавила Лалина, подходя ко мне с другой стороны и беря меня за руки. Её пальцы были тёплыми и надёжными, такими знакомыми и родными, что у меня защипало в глазах, и я закусила губу, чтобы не разреветься и не испортить макияж, над которым стилисты трудились целый час. — Тия, дыши. Глубоко и медленно. Всё будет хорошо.

— Как? — горло сдавило спазмом, который я не могла контролировать. — Как может быть хорошо, Лали? Ты зна-

ешь, что я выхожу замуж за твоего брата, который влюблён в кого-то другого. Ты знаешь, что он не хотел этого брака не меньше меня, но при этом даже не пытался бороться. Мы будем жить под одной крышей и вечно мучить друг друга своим присутствием, своей общей ненавистью к этой ситуации.

Лалина покачала головой.

— Я поговорила с дедушкой, — сказала она. — Я настояла на том, чтобы вы жили не в отдельном доме, а в главном поместье. По крайней мере, первое время. И я перееду обратно из своей квартиры. Чтобы ты могла привыкнуть к новому месту. Ты не останешься одна в этом огромном доме с чужими людьми, Тия. Я буду рядом. Каждый день.

Несли тут же кивнула, обнимая меня с другой стороны и прижимаясь щекой к моему плечу.

— Поддерживаю! Я буду врываться к тебе в поместье, как ураган, есть всю твою еду, пить все твои запасы колы и портить твой безупречный интерьер своими кроссовками. Это входит в обязанности лучшей подруги новоиспечённой миссис Браун. И ещё… — она понизила голос до шёпота, наклоняясь к моему уху, — если этот айсберг в костюме когда-нибудь вздумает тебя обидеть, у меня на него есть план. Поверь, он будет в шоке. Я уже купила книгу по психологии манипуляции и посмотрела все выпуски "Как выжить в браке с нарциссом".

Несмотря на всю тяжесть момента, мне удалось слабо улыбнуться их стараниям, этим двум девушкам, которые ста-

ли для меня большим, чем семьёй, чем-то, за что я была готова держаться даже в самые тёмные моменты своей жизни. Их присутствие оказалось единственным лучом в этом мрачном утре, единственным напоминанием о том, что не всё в этом мире было фальшивым и продажным. Но даже их поддержка не могла заполнить ту зияющую пустоту, которая образовалась в моей груди и, казалось, росла с каждой минутой, приближавшей меня к алтарю.

В комнату вошли мама с Агатой, и напряжение в воздухе стало ещё более плотным. Мама ахнула, прижав руку к груди, и её глаза наполнились слезами, на этот раз счастливыми, или, по крайней мере, такими, которые она хотела выдать за счастливые. Она подошла ко мне, поправила фату, и поцеловала меня в щёку.

— Ты просто очаровательна, милая моя… — прошептала она.

Агата же замерла у двери, не решаясь войти дальше порога, и выглядела так, будто каждый шаг давался ей с трудом. Она была бледна в своём платье подружки невесты. Нежно-розовом, с открытыми плечами и пышной юбкой. И смотрела на меня с таким выражением вины и боли, что мне снова захотелось кричать, рвать и метать, выплеснуть всю ту злость, которая копилась во мне месяцами.

— Ты… ты невероятна, Тия, — прошептала сестра, делая один шаг вперёд, затем другой, и я видела, как дрожат её руки, сжатые в замок перед собой. — Я должна была сегодня

так стоять в этом платье, идти к алтарю… Это должна была быть я, а не ты. Это… Тия, прости, я…

— Агата, — прервала я её, и мой тон вышел резче, чем я планировала, учитывая, что она была моей сестрой, а не врагом. — Я тебя с церемонии выгоню, если ты ещё раз извинишься. Серьёзно, хватит. Я устала от твоих слёз и от твоих извинений. Они ничего не меняют. Ты можешь рыдать хоть каждый день до конца жизни, но это не вернёт мне свободу и не отменит свадьбу. Поэтому просто замолчи. Пожалуйста.

Она сжала губы в тонкую линию и кивнула, с трудом сдерживая новые слёзы, которые уже блестели на её ресницах. Мама бросила на нас обеих тревожный взгляд, но промолчала, потому что давно научилась не вмешиваться в наши ссоры, понимая, что любое её слово может сделать только хуже.

Когда все штрихи были уже готовы, в дверном проеме появился отец. Он был в безупречном смокинге и с волосами, уложенными назад. Но на его лице не было и тени праздничного настроения, только сосредоточенность, граничащая с суровостью, и та особая усталость, которая появилась у него за последние месяцы. Взгляд папы скользнул по мне и на мгновение в его глазах мелькнуло что-то похожее на сожаление.

— Нам пора, — без лишних эмоций, без ненужных слов, которые всё равно ничего бы не изменили.

Дорога в церковь прошла в гробовом молчании, нарушаемом только тихим шумом двигателя и мерным скольжением

колёс по асфальту.

— Аристия, — наконец произнёс отец, не глядя на меня, — Я знаю, что ты на меня злишься. Ненавидишь, возможно. И ты имеешь на это полное право. Я не прошу у тебя прощения, потому что знаю — ты не простишь. Но я хочу, чтобы ты запомнила одну вещь.

Я не ответила, просто сжала пальцы в складках шёлка, чувствуя, как ткань холодит кожу, и ждала, что он скажет.

— В нашем мире выживают только те, кто умеет принимать неизбежное и извлекать из него максимум пользы, — продолжил он. — Ты можешь ненавидеть меня, ненавидеть весь мир, но это ничего не изменит. Диего… он не худший вариант, дочка.

Отец наконец повернулся ко мне, и в его глазах я увидела то, чего не ожидала — страх. Не за себя и не за свою империю, а за меня. За свою дочь, которую он только что продал, но которую, возможно, всё-таки любил в том странном, исковерканном смысле, в котором он вообще был способен на любовь. Это были не слова утешения, а инструкция или же руководство по выживанию в том мире, в который меня бросали. И в своей чудовищно искривлённой логике он, возможно, действительно желал мне добра. Но от этих слов стало только холоднее, и я снова отвернулась к окну, не в силах больше смотреть на него.

Лимузин остановился у ступеней собора, который выбрали для церемонии.

Отец вышел из машины, обошёл капот и открыл мне дверь, протягивая руку. Я сделала глубокий дрожащий вдох, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, и приняла его руку. Его пальцы сомкнулись вокруг моих крепко, почти болезненно, будто он боялся, что я вырвусь и побегу. Возможно, он имел на это все основания, потому что в тот момент я действительно подумывала о том, чтобы рвануть прочь, сбросить туфли и бежать босиком по мокрому асфальту куда угодно, только не в этот собор, не к этому алтарю, и не к этому человеку.

— Ты справишься, дочка, — пробормотал отец, но я не ответила.

Внутри собор оказался переполнен. Море лиц, бриллиантов, дорогих костюмов, и все эти люди, большинство которых я не знала, поворачивали головы в нашу сторону, провожая нас взглядами. Шёпот, приглушённый смех, стук каблуков по каменному полу, всё это сливалось в единый гул, который давил на уши.

Я шла под руку с отцом по длинному алтарю, устланному белой дорожкой, усыпанной лепестками роз, и мне казалось, что этот проход никогда не закончится, что я буду идти вечно между рядами скамей, на которых сидели люди, смотревшие на меня как на главное украшение этого спектакля.

А потом я увидела его.

Диего стоял у алтаря рядом со своим шафером — незнакомым мне парнем с тёмными волосами, зелёными глазами

и едва заметной ухмылкой на губах, которая говорила о том, что он либо не воспринимает происходящее всерьёз, либо знает что-то, чего не знали остальные. Диего был во фраке, и костюм сидел на нём безупречно, как вторая кожа, подчеркивая ширину плеч, стройную талию и особую, почти хищную грацию, которая была его второй натурой. Его лицо было спокойным, почти отстранённым, и только лёгкое напряжение в челюсти выдавало, что он тоже не в восторге от происходящего.

Отец остановился, когда мы дошли до Диего, и я почувствовала, как его рука, лежащая на моей, слегка дрогнула. Он взял мою правую руку, и я увидела, как она дрожит мелкой неконтролируемой дрожью страха и протеста, которую я не могла скрыть, как ни старалась. Отец переложил мою руку, вкладывая ладонь в протянутую руку Диего. Это движение было таким окончательным, что я еле сглотнула ком в горле.

Прикосновение его кожи к моей оказалось совсем не таким, как я ожидала. Мой жених с удивительной нежностью, которая ему не свойственна, погладил костяшки моих пальцев и крепче сжал мою руку.

Беги.

Вырви руку.

Закричи "нет".

Опозорь всех, но не делай этого.

Не позволяй им забрать твою свободу!

Сердце колотилось так, что, казалось, его стук слышали все в первом ряду, и мысли метались в голове, как пойманные в клетку птицы, разбиваясь о череп изнутри, не находя выхода. Я чувствовала, как паника поднимается от живота к груди.

Вдруг Диего наклонился ко мне. Едва заметно, но достаточно, чтобы я почувствовала его дыхание на своей щеке. Его губы оказались в сантиметре от моего уха, и он прошептал слова, которые были слышны только мне:

— Успокойся, пожалуйста. Обещаю, это быстро закончится. Просто дыши и не смотри на них. Смотри на меня.

Что-то в его тоне заставило меня сделать резкий прерывистый вдох. Я заставила себя выпрямиться, поднять подбородок и расправить плечи. Маска безупречной холодной невесты снова легла на моё лицо, как стена, за которой я могла спрятаться от всего этого кошмара. Но лёгкий предательский румянец выступил на моих щеках, и я знала, что он видит его, это знание почему-то не вызывало во мне прежнего раздражения.

Церемония потонула в гуле собственной крови в ушах, в том белом шуме, который заполняет голову, когда сознание отказывается принимать реальность. Я видела, как двигаются губы священника, слышала обрывки слов, но смысл ускользал от меня.

Диего отвечал на вопросы священника, его голос звучал ровно и уверенно, без малейшей запинки, без тени сомне-

ния, как будто он делал это всю жизнь.

Как ему удаётся? Как он может стоять здесь, произносить эти слова, смотреть на меня и оставаться таким спокойным, собранным, абсолютно контролирующим себя?

Где-то на задворках разума я поняла, что все смотрят на меня. Священник, Диего, гости, все эти сотни глаз, устремлённых на меня, ожидающе. Я моргнула, пытаясь вернуться в реальность, и до меня медленно дошло, что священник задал мне какой-то вопрос.

— Ч-что? — вырвалось у меня громче, чем я планировала, и мой голос прозвучал растерянно, почти по-детски. Я услышала, как кто-то в зале тихо засмеялся. — А, да, конечно!

Я сказала это на автомате, механически, как заученную фразу и которая теперь обернулись против меня. Лишь через секунду, когда священник уже повернулся к Диего, чтобы задать следующий вопрос, до меня дошло.

Это был вопрос согласна ли я взять этого мужчину в мужья. А я сказала «да».

Что я наделала?

Мысль ударила с такой силой, что потемнело в глазах, и я почувствовала, как пол уходит из-под ног, а всё внутри меня рушится, как карточный домик, на который дунул ветер.

Я же хотела ответить «нет»! Я поклялась, что скажу «нет», что не позволю им сломать меня, что буду бороться до последнего! Что случилось? Почему я сказала «да»?

— А вы, Диего Браун, — громко спросил священник, и его голос разнёсся под высокими сводами, — готовы взять Аристию Цестер в законные жены, любить её, уважать, заботиться о ней в болезни и здравии, пока смерть не разлучит вас?

— Да, — прозвучало тут же, без малейшей паузы. Он даже не колебался ни секунды, и это было хуже всего. Для него эти слова не значили ровным счётом ничего.

А приговор был приведён в исполнение.

Священник произнёс заключительные слова, и наконец прозвучала та фраза, которой я боялась больше всего:

— …властью, данной мне Богом и законом, объявляю вас мужем и женой. Можете поцеловать невесту.

Нет.

Нет-нет-нет.

Только не это!

Публичный, фальшивый поцелуй с человеком, чьё сердце принадлежало другой. Паника схватила меня за горло ледяной рукой, и я застыла, не в силах пошевелиться, даже дышать, глядя на него расширенными от ужаса глазами.

Диего повернулся ко мне лицом, и в зале повисло напряжённое, полное ожидания молчание. Краем глаза я увидела, как Лалина и Несли в первом ряду инстинктивно взялись за руки и как напряглись их лица. Лица гостей были обращены к нам, на них застыли улыбки, готовые вот-вот расплыться в умилении, и камеры фотографов были нацелены на нас,

чтобы запечатлеть этот «романтический» момент, который должен был украсить первые полосы завтрашних газет.

Он наклонился ко мне, а я зажмурилась, всем телом готовясь к нежеланному, чужому прикосновению, к тому, что его губы коснутся моих, и я почувствую тошнотворное отвращение, от которого, возможно, никогда не смогу оправиться. Я чувствовала его приближение и тепло его тела, лёгкий едва уловимый аромат его парфюма, что-то древесное и холодное с нотками цитруса.

Я вот-вот ожидала, что его губы коснутся моих, но прикосновения на губах не последовало.

Вместо этого его ладони почти с благоговением легли на мои щёки, а его большие пальцы осторожно провели по скулам, будто он стирал с них невидимые слёзы. Диего мягко наклонил мою голову чуть вперёд.

И затем я почувствовала, как его губы коснулись моего лба.

Это был не поцелуй в том смысле, в котором его ждали все присутствующие. Не страстный, романтичный поцелуй, который должен был запечатлеть союз двух семей. Это было что-то нежное, почти целомудренное. Как будто он обещал мне что-то, чего не мог сказать словами.

Он отстранился так же быстро, как и наклонился, его ладони убрались с моих щёк, оставив на коже ощущение тепла, которое исчезло слишком быстро. И в зале грянули аплодисменты, смешанные с восторженными возгласами и уми-

лёнными вздохами. Кто-то, должно быть, счёл это трогательным жестом, проявлением уважения и нежности. А я стояла в полном, оглушительном шоке, не в силах пошевелиться и понять, что только что произошло.

Сердце, которое только что бешено колотилось от страха, замерло, а потом упало куда-то вниз, оставив после себя странную щемящую пустоту.

Он не поцеловал меня.

Он не смог.

Не захотел.

Или, может быть, просто не посчитал нужным притворяться даже в этом.

Где-то в уголке моей души, куда я даже боялась заглядывать, что-то болезненно дрогнуло и… расстроилось. Я удивилась сама себе, испугавшись этой реакции, которая не укладывалась ни в какие рамки. Минуту назад я молила, чтобы этого не случилось, чтобы он не прикасался ко мне, и чтобы держался на расстоянии. А теперь, когда этого не случилось, когда он не воспользовался правом, которое дал ему этот брак, я почувствовала унизительный, жгучий укол отвержения.

Это было неопровержимое доказательство его слов в кофейне. Его сердце занято. Настолько, что даже церемониальный поцелуй для галочки оказался для него невозможен. Я была его женой перед законом и перед людьми, но не перед его собственными чувствами, которые он не собирался пре-

давать даже ради приличий.

Он взял меня под руку и мы повернулись к ликующему залу. Я натянуто улыбнулась той самой безупречной холодной улыбкой, которую отрепетировала перед зеркалом за эти месяцы. Но внутри была лишь одна ясная и горькая мысль: игра началась.

И первым ходом мой новый муж дал мне понять все правила. Мы будем жить под одной крышей, мы будем изображать семью на публике, мы будем улыбаться в камеры и держаться за руки на светских мероприятиях. Но между нами всегда будет стоять призрак той самой «неё», которую он любил.

Глава 6

Меня нервировал весь этот бред, который назвали свадьбой. А ведь я далеко не тот человек, которого легко разозлить или вывести из равновесия.

Я хотел только одного — чтобы этот день поскорее закончился. Чтобы исчезли эти сотни притворно-радостных лиц, смолкла фальшивая музыка, и я наконец остался один. С мыслью, что теперь у меня есть жена. Женщина, которая, казалось, ненавидела меня всей душой.

Не поймите неправильно, я не тот человек, который любил одиночество. Я не какой-то затворник или социапат, который не любит людей. Но я предпочитал компанию *своих* людей. Мне нравилось, что Браунов так много и что у меня такая большая семья. Именно поэтому отсутствие одного из

членов семьи в этот день ощущалась так остро.

За пару дней до церемонии у меня ещё теплилась болезненная надежда. Я звонил Мигелю. Снова и снова набирал номер, который знал наизусть, и слушал гудки, уходящие в никуда. Он сидел в канадской глуши и занимался самобичеванием, которое никому из нас не шло на пользу.

Мысли о Мигеле саднили особенно остро в день свадьбы. Масштабы всего ужаса я осознал после сообщения от Тео несколько недель назад. «Проблемы» оказались хуже, чем я мог предположить.

Мой брат теперь заведовал нашим центром по «исправлению» богатых отпрысков. Дедушка открыл исправительную колонию исключительно для нашего круга общения и назвал его «Тартар». Там работали лучшие специалисты своего дела и все наркоманы, психически больные или просто капризные дети богатых людей проходили там лечение. Естественно, все оставалось исключительно внутри стен колонии и весь остальной мир считал Тартар лишь очередным отелем или комплексом, который могли себе позволить лишь друзья семьи Браун.

Когда мы с Тео приехали в Канаду так быстро, как могли, сотрудники рассказали, что Мигель уже месяц приказывает наказывать себя за само его существование. Он называл себя «проклятием Браунов» и требовал, чтобы его «исправляли» со всей строгостью.

Когда мы с Тео ворвались к нему в комнату, картина была

настолько жуткой, что у меня на секунду потемнело в глазах. Мигель стоял посреди комнаты. Рубашка расстегнута и свисает с плеч грязной тряпкой. На груди и спине были свежие, кровавые полосы от плети. Глубокие, воспаленные, некоторые еще сочились кровью, капая на пол маленькими лужицами у босых ног. Лицо было бледным, но глаза горели мрачным, фанатичным огнем. Тем особым безумием, когда человек решает, что боль единственное, чего он заслуживает.

Он кричал на трясущегося сотрудника с окровавленной плетью:

— Сильнее! — голос срывался на хрип. — Не смей останавливаться! Если я могу шевелиться — значит, делаешь недостаточно сильно!

Мне потребовались все физические и моральные силы, чтобы обездвижить его. Брат бился в моих руках, как дикий зверь в капкане, и кричал что-то нечленораздельное.

Не знаю было ли это из-за полного физического истощения, но он наконец обмяк в моих руках. И в его глазах на мгновение вернулся проблеск осознания.

Позже, когда врач зашил его раны, мы с Тео остались в его комнате. Я рассказывал ему о доме, о семье, которая спрашивает про него. О том, что Лалина счастлива, но всё равно скучает по нему. О том, как дед стал еще более невыносимее.

А потом я рассказал о свадьбе. Что я должен жениться на младшей сестре Агаты и лучшей подруге Лалины, чья судьба отныне неразрывно связана с моей.

— Даже тут я доставил тебе проблем… — прошептал он, — Ди, прости меня. Я знаю, что прощения нет, но…

Я покачал головой. Утешать его я не стал, в какой-то мере он был прав, и мы оба это знали. Его цепь ошибок, слепая одержимость и неспособность вовремя остановиться привело нас в тупик. Без выхода, только путь вперед, по которому нас толкали чужие руки. Я лишь попросил его приехать в последний раз. Хотя бы на час, чтобы я мог увидеть его лицо, пожать руку, убедиться, что он еще жив и не сломлен окончательно.

Мигель отказался. В его голосе была такая глубина стыда, такая бездна самоуничижения, что я понял: стена, которую он возвел вокруг себя, слишком высока, чтобы кто-то мог ее перелезть или пробить.

Эти воспоминания тяжелым камнем лежали на душе, давили на плечи невидимым грузом. Даже когда я стоял в идеально отглаженном фраке у алтаря, чувствуя, как ткань прилипает к спине от волнения и духоты, я ждал момента, который должен был изменить всё. Я смотрел на двери в конце зала, за которыми скрывалась моя будущая жена. Женщина, с которой мне предстояло прожить остаток жизни. В голове крутились обрывки мыслей, которые я не мог облечь в слова даже для себя.

А потом объявили о прибытии невесты. Двери распахнулись, впуская внутрь поток солнечного света, на секунду ослепивший всех.

И я увидел её.

Аристия шла под руку с отцом по длинному проходу между рядами. И в этот момент всё вокруг словно потеряло цвет и значение. Всё исчезло. Осталась только она, движущаяся ко мне медленно. Платье, прическа, бриллианты — всё это просто достойное обрамление для той картины, что я видел. Главным было её лицо. Безупречное, холодное, высеченное из мрамора прекрасной, отчаянной скорби. В нем было столько нежелания и столько гордости одновременно, что у меня перехватило дыхание.

Она была самой потрясающей девушкой, которую я когда-либо видел. Не потому, что черты идеальны, а потому, что в ней чувствовался тот огонь, который не могли погасить ни обстоятельства, ни давление семьи. И мысль, что с сегодняшнего дня эта женщина будет моей женой, что она будет носить мою фамилию и жить под моей крышей казалась настолько невероятной, что я едва удержался от горькой усмешки.

Я, который никогда не смел надеяться стать чьим-то мужем, смирившийся с тем, что его сердце навсегда принадлежит той, кого он не может иметь, стоял у алтаря, готовый взять её руку и произнести слова, которые свяжут нас навсегда. По приказу. По расчету. По той же проклятой причине, по которой все Брауны женились поколениями.

Я чувствовал панику Аристии. Она была почти осязаемой. Когда её рука легла на мою я ощутил тонкую, неконтро-

лируемую дрожь.

Она была на грани. И я видел это по её глазам, она смотрела мимо меня, не в силах встретиться взглядом. По её губам, сжавшимся в тонкую линию. И, движимый инстинктом, которому не мог дать названия, я наклонился к ней и прошептал:

— Успокойся, пожалуйста. — Мой голос прозвучал тихо, почти ласково. — Обещаю, это быстро закончится. Просто дыши и не смотри на них. Смотри на меня.

Аристия слегка расслабилась. Или попыталась это сделать, но часть напряжения ушла с её плеч и это немного заставило меня гордиться собой.

Одному богу было известно почему…

Но продлилось это недолго. После объявления священником поцелуя, я удивился, что моя новообретенная жена ещё не сбежала.

На секунду я даже задумался, как бы она отреагировала, если бы я действительно коснулся её губ своими?

Но я увидел её глаза. Широко распахнутые, полные ужаса перед этим прикосновением, которое стало бы для неё ещё одним насилием. Она зажмурилась, готовясь к худшему. В этом жесте было столько беззащитности..

И всё во мне воспротивилось.

Я не мог. Не смел. Даже этот церемониальный поцелуй стал бы для неё унижением. Я не хотел быть тем, кто отнимает. Я хотел быть тем, кто хотя бы не добавляет боли.

Я устало вздохнул про себя и, выбрав единственно возможный путь, мягко коснулся губами её лба.

Это было не то, чего ждали. Это было благоговение перед её болью. Была черта, которую я провел между нами: я не перейду её, пока она сама не пригласит.

Когда я отстранился, её глаза открылись, и в них промелькнуло удивление. Я понял, что сделал правильный выбор. По крайней мере, в этот раз.

Банкет был очередным шоу лицемеров и неискреннего спектакля. Я и в обычные то дни не выносил всех чужих мне людей, а сегодня я был не в настроении и раздражение кипело во мне.

Я раздражался и нервничал!

А это, поверьте мне, было плохим показателем.

Вечер все присутствующие назвали бы замечательным, как и все, что обычно делают Брауны. Но все что я хотел — это сбежать и наконец остаться наедине с собой. Тем более, что жена моя за весь вечер ни разу не заговорила со мной.

Она держалась своих подруг и выглядела настолько отстраненной, что даже ее натянутая фальшивая улыбка никак не спасала нас от скорых слухов.

В какой-то момент зазвучала музыка и нам объявили первый танец. Я подошёл к ней, на секунду замер, встретившись с её настороженным взглядом, а затем протянул руку ладонью вверх. Аристия колебалась лишь мгновение, рассматривая мою татуировку на ладони. Я совсем забыл о ней. Но волноваться было не о чем, потому что она не знала значение синего полумесяца и как эта татуировка появилась. Аристия всё же вложила свои прохладные пальцы в мои, когда закончила разглядывать узоры на моей коже. И я вывел её в центр.

Когда я взял её за пальцы и притянул к себе, я почувствовал сразу, как сильно она хотела оказаться где угодно, только не здесь. Её кисть дрогнула в моей ладони, но это была не та робкая дрожь невесты, которую все ждут. Нет. Пальцы слегка задрожали от сдерживаемой злости, и я понял, что если бы мы были не на глазах у двух сотен гостей, она бы, возможно, вырвалась и ушла. Я сделал вид, что не заметил. Просто сжал её руку чуть крепче.

Моя ладонь легла на её талию, и в тот же миг я ощутил, как под тонкой тканью платья напряглись все мышцы. Она замерла так, будто я прикоснулся раскалённым железом. Я провёл пальцами чуть выше, но не надавил. Я просто скользнул по ткани, очерчивая изгиб её тела, дразня самым лёгким из возможных касаний. Не для того, чтобы унизить, а чтобы

помочь успокоиться.

Это абсолютно не было моей прихотью.

Не должно было.

Музыка поплыла над нами, медленными нотами, и мы начали двигаться. Я вёл её так, будто у нас впереди была целая вечность: шаг, ещё шаг, пауза, снова шаг. Мои пальцы тем временем изучали её спину: от тонкой талии вверх, к лопаткам, и снова вниз, медленно, позвонок за позвонком, как будто я пытался запомнить каждый изгиб её тела. Аристия дышала часто и неровно. Я чувствовал это по тому, как вздымалась её грудная клетка у моего плеча, но лицо моя жена держала безупречно. Гости смотрели и видели лишь сдержанную улыбку, никто вокруг не догадывался, что все ее тело напряглось, как только я придвинул её чуть ближе.

Теперь между нами не осталось ни одного свободного сантиметра. Я положил ладонь на её поясницу и просто держал, чувствуя, как бьётся её сердце где-то там, под рёбрами, и как её пальцы вцепились в моё плечо сильнее, чем требовал танец. Она будто пыталась удержаться на краю пропасти. Или, может быть, удержать себя от того, чтобы оттолкнуть меня.

Я опустил взгляд на её губы. Сжатые в тонкую линию, побелевшие от напряжения.

Она злилась.

— Расслабься, — сказал я шёпотом, только для неё.

Она не ответила. Даже не посмотрела на меня.

Тогда я провёл большим пальцем по её талии — медлен-

ный, ленивый круг, потом ещё один, как будто мы танцевали не под торжественный вальс, а под что-то совсем другое, интимное, предназначенное только для двоих.

Я наклонился ближе. Просто давая ей почувствовать тепло моего дыхания у её виска, там, где кожа самая тонкая и где, я был уверен, она сейчас покрылась мурашками.

— Ты дрожишь.

— Ты слишком близко, — сказала Аристия, и голос у неё сел на последнем слоге.

— Это танец мужа и жены, — ответил я спокойно, позволив себе маленькую, почти незаметную усмешку где-то в уголках губ.

Я отпустил её талию на одно короткое мгновение, только для того, чтобы провести кончиками пальцев по всей её спине. Сверху вниз, медленно, с лёгким нажимом, как будто я подчёркивал каждую линию, каждый миллиметр, который только что был скрыт от меня тканью платья. Я чувствовал, как она перестала дышать.

Секунда.

Две.

Три удара моего сердца.

А потом она судорожно выдохнула и я ощутил поток горячего воздуха у своей шеи.

Что я делаю?

Я обещал ей полную свободу, а теперь не могу держать собственные руки при себе.

Музыка уже затихала, последние аккорды плыли над нами, растворяясь в аплодисментах, которые мы оба, кажется, не замечали. Я взял её ладонь в свою, поднёс к губам и замер. Мои губы едва касались её кожи. Поцелуй, которого я не позволил себе.

Она вырвала руку первой, отдёрнула её так резко, будто обожглась, и убежала.

Это был первый момент слабости.

Больше я не могу себе такого позволить.

Я отошёл к колонне и краем глаза заметил Лалину. Она стояла у противоположной стены, разговаривая с кем-то из гостей, но, когда наши взгляды встретились, она демонстративно отвернулась.

Всё ещё дулась.

Я вздохнул.

Ссора вышла настолько дурацкой. Лишь из-за того, что я ответил резче, чем следовало, впервые за девятнадцать лет моя сестра была в обиде на меня.

Но то, что она со мной не разговаривала не было в новинку. Лалина только последний год начала по настоящему говорить со мной и всей остальной семьей. Из-за этого ссора ощущалась острее, чем есть на самом деле.

Я был рад, что моей сестре отношения пошли на пользу и она начала открываться миру, поэтому не хотел терять и минуты её раскрепощения. Но из-за всего, что происходило в моей жизни, я не успел даже придумать, как с ней поми-

риться.

Я уже собирался подойти к ней и попытаться поговорить, когда услышал сбоку знакомый, до омерзения бодрый голос:

— Малыш Ди!

Я мысленно застонал и закатил глаза, поворачивая голову.

Кстати, о причините раскрепощения моей сестры…

Леон стоял, прислонившись к колонне, и лениво улыбался, будто ему было наплевать на всё происходящее. Белый пиджак, расстёгнутая верхняя пуговица рубашки, стакан с янтарной жидкостью и его обычная хулиганская прическа с волнистыми, каштановыми прядями.

— Не называй меня так, — буркнул я, чувствуя, как глаз дёргается.

— Как скажешь, малыш Ди, — повторил он нарочито медленно, и я закатил глаза. — Я, между прочим, глубоко оскорблен. Стоило мне влюбиться в твою сестру и ты решил мне отомстить, женившись? А как же *мы*?

— Отвали, Леон.

— И уже так груб ко мне стал. Так легко отбросил все, что между нами было… Но я буду в порядке. Koluchka меня исцелит от раны, что ты мне нанес, — сказал он, театрально держась за сердце и произнося прозвище Лалины на русском.

Леон Макаров просто невероятный придурок, каких невозможно сыскать. Но он неплохой парень. Хороший друг и ещё лучший парень для моей сестры. Просто природа об-

делила его мозгами и он родился… таким.

— Знаешь, а она тебе подходит. Нервная, злая и красивая. Вы идеальная пара.

Я ничего не ответил, только скрестил руки на груди. Но он знал, что я не злюсь. Леон был единственным, кто мог называть меня «малышом Ди» и остаться в живых после этого. Ещё до того, как он заинтересовался моей сестрой, мы с ним… подружились? Этому трудно дать название, потому что наши семьи всегда были врагами. Но несмотря на вражду наших дедов, мы не раз выручали друг друга. Так что это, должно быть, что-то близкое к дружбе.

Но этот идиот все равно меня всегда бесил. Он доставал меня с десяти лет. И если честно, я бы заскучал, если бы он перестал. И, конечно, я бы никогда не признался в этом.

— Что за кислая мина, малыш Ди? Ты правда так страдаешь по мне?

— Тебе доставать некого? Может найдешь другую жертву?

Он оглянулся по сторонам и его голубые глаза сверкнули тем самым огнем, а затем он натянул свою чеширскую улыбку. Проследив за его взглядом, я увидел дедушку, который разговаривал с Лалиной и понял причину веселья Макарова.

— Знаешь, ты прав. Пойду доставать других, — Леон выпил остаток в своем стакане и поставил его в поднос, мимо проходящего официанта, — Надеюсь твоего старика не хватит инфаркт, когда я при нем поцелую твою сестру.

Я дождался, пока он скроется в толпе, и только тогда позволил себе короткую, почти незаметную усмешку.

Должно быть карма моему дедушке вернулась в лице Леона и я не был уверен, что хуже — сумасшедший зять или любая банальная смерть.

В кармане завибрировал телефон и я достал его, проверяя сообщение.

Мигель.

Я выскочил через боковую дверь настолько быстро, что казалось промедли я хоть на минуту, мой брат исчезнет. Он стоял в тени старого дуба, прислонившись к капоту машины.

— Ты мог хотя бы надеть костюм, — проворчал я, заключая брата в объятья, — Спасибо что приехал.

— Не смог не приехать. Знал, что будешь дуться до конца жизни, если я не появлюсь. Но… прости, но внутрь не смогу зайти.

Я хотел сказать много чего и в первую очередь поблагодарить, но меня перебили.

Из той же двери, что и я вылетела Агата. Увидев Мигеля, она бросилась к нему с рыданием, вцепившись в его одежду.

— М-Мигель… Прошу, забери меня отсюда. Умоляю, да-

вай вместе убежим. Мигель, я все ещё люблю тебя и…

Мигель резко оторвал её руки так, что она пошатнулась. И Агата ошеломленно смотрела на него.

— Ты заварила эту кашу с самого начала, Агата, — его голос резанул тишину сада. — Я чётко говорил тебе: у меня к тебе нет чувств и никогда не будет. Ты слышала? Нет. Ты не хотела слушать. Ты та, из-за кого мои брат и твоя сестра страдают. Ты та, кто не остановилась. Это полностью твоя вина. Я никогда не буду с тобой. Скорее мир надвое расколется, чем это случится. Теперь ты это услышала?!

Мой усталый вздох был единственным звуком в этом месте. Возможно, Мигель и прав, но ему точно стоило так жестко выражаться, потому что Агата сейчас выглядела так, будто упадет в обморок, от переизбытка чувств. Я двинулся к ней, как раз в тот момент, когда знакомый женский голос привлек внимание нас всех:

— Какой же ты противный.

Я обернулся, узнав эту интонацию с первого звука.

— Тебе в детстве мама не говорила, что с девушками так нельзя разговаривать? Хотя, проблема тут скорее в тебе, раз твой родной брат обделён такими талантами неотёсанности.

Появилась Несли, которая под руку вела Аристию подальше от зала. Видимо, им тоже потребовалась передышка от духоты банкета и назойливых гостей.

Я видел, как Мигель напрягся всем телом и как его взгляд метнулся к Аристии, а потом в сторону двери, за которой

осталась Лалина.

— Успокойся, викинг переросток, — продолжала Несли. В её голосе было столько яда, на которое я и не мог представить, что она способна. — Лали сейчас со своим парнем. Помнишь такого? Ну, тот, что надрал тебе задницу и отобрал у тебя сестру. Знаешь, они сейчас так счастливы, что тебе и не снилось. Недавно помолвку назначили, между прочим. Так что можешь не волноваться — она в хороших руках. В лучших, чем твои.

— Нес, хватит, — резко сказала Аристия, хватая подругу за рукав и пытаясь утащить её обратно к двери.

Несли, пятясь назад, бросила последнюю фразу через плечо:

— Хочешь, я дам адрес, где мужское раздают? Тебе оно явно не помешает, а то ты себя ведёшь как последний…

— Несли, умоляю! Хотя бы на моей свадьбе не устраивай драку, — уже почти крикнула Аристия, с силой увлекая её и Агату, которая всё ещё рыдала.

Мигель что-то буркнул себе под нос, я не разобрал слов, но тон был таким, что лучше было не переспрашивать.

— Её надо держать подальше от нашей сестры.

— У Лалины никогда не было подруг, которые так же яростно защищали бы её, как Несли. Эта девушка — как цербер.

Мигель ничего не ответил. Мы простояли ещё несколько минут в тяжёлом, давящем молчании, нарушаемом только

шумом ветра и редкими звуками музыки, доносившимися из-за закрытых дверей. Никто из нас не знал, что сказать, да и у меня не осталось слов, которые можно было бы сказать после такой сцены.

Возможно, мне стоило послушаться брата и не просить его приезжать. Возможно, Мигель знал, что все так и будет, поэтому не хотел приходить. По-хорошему, мне и не стоило его так быстро прощать, но моему братскому сердцу все это не объяснишь.

У меня не так много людей, которым бы я доверял безоговорочно, а Мигель был одним из них и, даже если он предал доверие, я не мог просто отказаться от этой связи. Также, как и Лалина.

Церемония заканчивалась. Гости расходились, музыканты упаковывали инструменты, а официанты собирали посуду. В зале постепенно воцарилась особенная тишина, которая наступает, когда шум праздника стихает и остается только эхо прошедшего веселья. Я нашел Аристию на балконе, подошел и мягко, но недвусмысленно взял ее под руку. Она вздрогнула от моего прикосновения, но не отстранилась.

— Нам пора.

Она кивнула после секундного колебания.

Я увел её за собой на второй этаж огромного особняка. Тишина после свадебного шума чувствовалась почти физически. В этой тишине каждый шаг казался оглушительно

громким.

Я провел ее по коридорам до спальни. Для меня они были родными, но для нее, должно быть, пугающе огромными и чужими. Ту самую спальню я выбрал для нее несколько дней назад, когда понял, что свадьбы не избежать. Я открыл дверь и впустил ее внутрь, а сам остался на пороге. Чувствовал, что мое присутствие в этой комнате сейчас было бы лишним и даже враждебным.

Она стояла посреди комнаты, все еще в своем ослепительном платье. Теперь оно казалось таким неуместным в этой тишине. И снова, как у алтаря, на ее лице проступила тень паники.

Я догадался, о чем она подумала, и поспешил прояснить ситуацию. Не хотел, чтобы она мучилась догадками и боялась того, чего не случится.

— Это твоя комната, — по-прежнему стоя на пороге и не делая ни шага внутрь, сказал я. — Можешь обустроиться здесь как тебе захочется. Всё, что внутри, принадлежит тебе. Слева дверь в твою ванную. Чуть дальше гардеробная, она уже заполнена вещами, которые заказала Лалина. Но если что-то не подойдет или не понравится, мы всё заменим. Если будут вопросы, можешь обращаться ко мне, к Лалине или к Харрису. Это наш дворецкий, завтра познакомлю тебя с ним.

Я сделал паузу, давая ей время переварить информацию, и уже собрался уйти, бросив на прощание простое «спокойной ночи», как вдруг она заговорила.

— Ты не будешь спать? — спросила она тихо, растерянно.

В ее голосе не было страха, только любопытство, смешанное с непониманием.

Я обернулся на пороге и посмотрел на нее. В свете приглушенного ночника ее лицо казалось особенно юным и уязвимым. Без той маски холодной неприступности, которую она носила на людях, она выглядела простой девушкой, загнанной в угол и пытающейся понять, что происходит.

— Буду, — я не смог сдержать легкой усмешки, — Но в своей комнате. Она в конце коридора, если я тебе понадоблюсь. Я понимаю природу нашего союза, Аристия, и у меня в планах не было навязываться или принуждать тебя к чему-то, к чему ты не готова.

Я сделал крошечную, почти неосязаемую паузу. Давая место той маленькой, тлеющей надежде, что жила глубоко внутри меня и которую я сам душил все эти дни. Надежде, которую я не смел называть своими именами, но которая всё равно пробивалась сквозь все барьеры.

— Или ты хотела бы совместную спальню? — в моем голосе не было ни намека на давление, только вопрос, требующий честного ответа.

— Нет! — воскликнула она, и в ее голосе было столько категоричности, что я внутренне усмехнулся. — Я… я хотела бы отдельную спальню. Спасибо.

Я кивнул и повернулся к выходу.

— Я так и думал.

Глава 7

Тишина в моей новой комнате оказалась совсем не такой, как в родительском доме. Там, в особняке Цестеров, даже в самые тихие ночи я слышала дыхание дома, скрип половиц, шепот ветра за окном, далекие шаги прислуги, создававшие белый шум, который стал для меня синонимом безопасности и привычности. Здесь же тишина давила и я слышала биение собственного сердца громче, чем мне хотелось бы.

Я лежала в огромной кровати с балдахином, которая казалась слишком большой для одного человека и слишком чужой, чтобы в ней можно было уснуть. Я смотрела в потолок, где играли тени от деревьев за окном. Простыни пахли лавандой — приятный, успокаивающий аромат, но сегодня он

не действовал, а только подчеркивал пропасть между «раньше» и «сейчас», которую я никак не могла преодолеть.

Я перевернулась сначала на один бок, потом на другой, а потом вовсе села, обхватив колени руками и уставившись на дверь. За ней, в конце коридора, спал мой муж.

Это слово всё еще казалось неправильным, будто я примеряла чужое платье, которое никогда не станет моим. Я думала о том, как он стоял на пороге, сказав, что это моя комната, пожелал спокойной ночи и ушел, даже не попытавшись приблизиться. Это было правильно, именно то, о чем я просила, чего требовала. Но почему-то в этой правильности было что-то, что не давало мне покоя.

Часы на прикроватной тумбочке показывали половину третьего ночи, когда я наконец приняла решение, которое, возможно, было детским и глупым, но оставалось единственным, что могло принести мне хоть какое-то облегчение. Я накинула мягкий, шелковый халат, который Лалина, должно быть, выбрала для меня и, стараясь ступать бесшумно, выскользнула в коридор.

Дом Браунов в ночной темноте казался ещё более огромным и пугающим, чем днём. Длинные коридоры тянулись в обе стороны, теряясь во тьме, и я шла по ним, молясь, чтобы я не наткнулась на Клинтона или ещё кого-нибудь.

Комната Лалины находилась на этом же этаже и была соседней с комнатой Диего. Я постучала тихо, почти неслышно, потому что не хотела никого будить, но и не была увере-

на, что Лалина не спит.

Дверь открылась через две минуты, и я увидела свою подругу. Заспанную, с растрёпанными рыжими волосами и в шелковой сорочке, которую я бы надевала лишь по праздникам.

— Тия? — прошептала она, протирая глаза. — Что случилось? Ты в порядке?

— Я не могу уснуть, — Я ненавидела себя за уязвимость в голосе. Будто я ребёнек, который пришёл к матери после кошмара. — Эта комната… Прости, но я не могу там уснуть. Можно я переночую у тебя? Только сегодня, обещаю. Завтра я привыкну, но сейчас…

Она не дала мне договорить, просто взяла за руку и втащила внутрь, закрывая дверь.

— Конечно, — улыбка, которой она меня одарила чуть не заставила меня расплакаться. — Ложись. Я сейчас, только свет выключу.

Мы забрались под одеяло, как делали это пару раз во время ночёвок у неё в квартире или у меня в комнате, и тепло её тела согревает то, что остыло внутри за этот долгий, мучительный день.

— Расскажи мне что-нибудь, — попросила я, уткнувшись носом в подушку. — Что угодно. Только не про свадьбу.

— У меня идея получше.

Лали редко это делала даже после всей истории с Мигелем, но сейчас позволила мне услышать ее пение. У меня

перехватило дыхание от её бархатистого голоса и я начала расслабляться.

Я слушала её успокаивающий голос и постепенно чувствовала, как веки тяжелеют, а мысли перестают метаться в панике. Я не знала, когда именно уснула, но помню, что последнее, что я осознала, была рука, гладившая меня по голове, и я подумала, что, возможно, не всё потеряно, если у меня есть такая подруга. Такой по настоящему родной член семьи, в этом новом доме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.